

АНАТОЛИЙ ОХОТИН

Западня для друга

СУББОТНИЙ ДЕТЕКТИВ

The bottom half of the cover features a repeating pattern of interlocking diamonds. Each diamond is formed by two parallel teal lines, creating a grid of smaller diamonds. The background is white, and the teal color is a dark, forest green shade.

Анатолий Викторович Охотин

Западня для друга.

Субботный детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954472

ISBN 9785449028846

Аннотация

Водитель из Сибири Андрей Карачаров приезжает к другу в отпуск. Они вместе отмечают день ангела приятеля. Утром друга находят убитым, а улики указывают на Карачарова. Сибиряк сбегает от конвоиров, рискует жизнью, разыскивая настоящего преступника, чтобы восстановить поправную справедливость.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Глава третья	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Западня для друга Субботний детектив

**Анатолий
Викторович Охотин**

*«... и обратился я, и видел под солнцем,
что не проворным достается успешный бег,
не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не у разумных – богатство, и не искусным —
благорасположение, но время и случай для
всех их»*

Книга Екклесиаста, гл. 9

© Анатолий Викторович Охотин, 2018

ISBN 978-5-4490-2884-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Жаркий вторник заканчивался, близилась полночь. Слабый ветерок, тянувший с обмелевшей реки, проносил с собою запах сохнущего ила на оголенных речных берегах.

Лето нынче простояло сухое, без живительных дождей. Прогремевшая в июне гроза, единственная за весь сезон, запалила торфяники за городской чертой. Загоревшийся торф до сих пор медленно тлел в земной утробе, рассеивая дым по округе. Редкие дождики, иногда падавшие из выдоенных туч, бессильны были загасить скопившийся под дерновым покровом жар. Как манны небесной ждали осенних дождей.

По узкой улице отдаленного городского района мчался мотоциклист. Луч яркой фары скользил впереди, обшаривал набегающий навстречу асфальт и вовремя предупреждал о возникающих впереди помехах: то и дело на проезжей части попадались выбоины. Мотоциклист лихо лавировал, на большой скорости объезжая препятствия. Он закладывал такие опасные виражи, что кровь закипала в жилах от пережитого страха.

Вскоре мотоциклист нырнул в узкий проезд, выходивший на параллельную улицу. За высоким забором находилась стройка. Гонщик поглядывал с опаской под колеса: на раз-

битой тяжелой техникой дороге повсюду валялись острые обломки кирпича, куски размочаленных досок, возможно, с гвоздями.

Когда вырулил на просторную Рабочую, прибавил скорости.

Далеко внизу, куда убегала улица, упираясь в берег, натружено шумел залитый яркими огнями речной порт. Там и ночью не прекращалась напряженная работа – разгар навигации. В порту гремели тяжелые механизмы, свистел маневровый тепловоз, подававший вагоны; усиленный трансляцией, из порта долетал сорванный голос дежурного диспетчера.

Вот и нужный дом. Десяток освещенных окон. Скоро полночь, люди ложились спать. Завтра рано утром на работу.

Гонщик заглушил двигатель. С погашенной фарой докатился до трансформаторной будки, находившейся в сотне шагов от нужного подъезда. Плавно нажал рычаг тормоза, остановился. Осмотрелся вокруг, прислушался. Ни машин, ни прохожих. Лишь раздавалось далекое лязганье грейферов в порту – там грузили уголь на баржу.

Спрыгнув с нагретого седла, гонщик привалил мотоцикл к металлической сетке, ограждающей будку электротрансформатора. Проверил остойчивость машины, нацепил на руль снятую с потной головы каску. Двинулся к дому.

Дойдя до подъезда, снова замедлил шаги, выставил уши

торчком, настороженно позыркал по сторонам. Пусто и тихо вокруг. Он затолкал поглубже в карман курточки кожаные перчатки, в которых привык управлять мотоциклом, и натянул на руки запасные – тонкие, для хозяйственных работ, купил накануне за гроши. Глазами на секунду задержался на светящемся циферблате часов: без четверти двенадцать. Скоро новые сутки начнутся. Пора.

Кодовый замок открыл быстро – накануне узнал шифр от анонимного благодетеля...

Вчера в гараже, как обычно, он нянькался с мотоциклом: сменил масло в картере, подтянул ослабший крепёж. Обихаживал машину не спеша, обстоятельно, с любовью. Ему с детства нравилось возиться со сложной техникой. Сперва он детские машинки курочил, пытаясь заглянуть внутрь и понять, почему игрушка может ездить сама. Повзрослев, пересел на велосипед, а теперь вот его радовал современный мощный мотоцикл. Когда запищал мобильник, оставленный на верстаке, подошел, взял трубку.

– То, о чем мы договорились, ты сделаешь в субботу, – сообщил невидимый абонент. – Советую заранее изучить маршрут, чтобы ночью не запинаться. Кстати, там же и ключи от квартиры заберешь. Связка будет находиться под пустым ящиком у ограждения трансформатора. Поднимешь обломок пустотелого кирпича, а в одном из проемов, под красным пластилином, будут ключи. Заберешь их до шест-

надцати часов. До четырех дня, врубился?

– В шпионов поиграем, дядя?

– Не умничай! Делай, что говорю. – Абонент назвал шифр на входной двери. – Всё, я жду результата!

В три часа дня, забирая ключи из тайника, усмотрел он и то, что дверь подъезда ходит туго, заметил издалека, как днем дородная пенсионерка, пыхтя, тянула на себя дверную скобу.

Сейчас, как и ожидал, дверь подалась тяжело, надрывно простонала тугая пружина, подтягивающая дверь внутрь – вот и причина трудного хода.

Оказавшись в чужом подъезде, недолго подождал, пока глаза привыкнут к сумраку. Потом легко и неслышно взбежал на четвертый этаж. Перевел дыхание на лестничной клетке. Под потолком, обсиженная мухами, слабо тлела голая сорокаваттная лампочка. Вряд ли при таком свете да еще среди ночи кто-то из жильцов дома мог заметить и запомнить мотоциклиста. Однако он не поленился, чтоб зря не рисковать, и залепил дверные глазки кусочками лейкопластыря. Вытащил из кармана шуршащие больничные чехлы для уличной обуви, натянул на кроссовки. На голову надернул спортивную шапочку с прорезями для глаз.

Ключи от квартиры подошли один в один. С замками управился даже быстрее, чем ожидал. Это порадовало и добавило куражу. Вот что значит тщательная подготовка акции, похвалил себя мотоциклист, о мелочах надо заботиться

заранее, чтоб позже проколов не случилось.

Гибким ужом скользнул в прихожую отпертой квартиры. Осторожно прикрыл за собой только наружную, стальную дверь. Прислушиваясь, замер в тесном полутемном коридоре.

Из комнаты через приоткрытую дверь с матовым остеклением струился робкий свет. А еще оттуда доносился громкий храп спящих мужиков и шел густой запах пьянки, от которого могла свалиться лошадь. Сомневаться не приходилось: здесь долго и напряженно пили водку. Как раз то, что надо, порадовался ночной гость.

В мистику Полина никогда не верила. И дурацкому сну, который видела накануне поездки, она не придала должного значения. Мало ли что может присниться! Всему верить, так и на улицу не выйдешь. Она видела во сне черное выжженное поле с одиноким обгоревшим деревом. Будто случился апокалипсис. Ни людей, ни животных. Некуда идти.

О своем сне она вспомнила на обратном пути, в вагоне, когда начались неприятности. Сначала их состав загнали на запасный путь на каком-то лесном разъезде. Вот и не верь после этого дурным снам! Дальше – больше. Поезд, на котором Полина возвращалась домой, опоздал без малого на три часа. Выяснилось, какой-то шутник от скуки брякнул по телефону, дескать, подземные переходы к платформам заминированы. Скоро взрыв. Поезда задержали до особого рас-

поряжения. В том числе и электричку, на которой ехала Полина. Вызванные саперы тщательно искали взрывчатые вещества, все прощупали, облазили, пускали специально обученную собаку, но ничего не нашли. Звонок анонима стоил нервов и впустую потраченного времени не одной сотне людей, спешащих по своим, быть может, неотложным делам. В числе заложников шутивного звонка оказалась и Полина.

Она сошла с поезда, растерянно остановилась на перроне и стала озираться по сторонам. Полина искала глазами мужа. Олег накануне клятвенно обещал встретить, но не приехал. Получалось, что обманул. Полину душили подступающие слезы обиды: ведь обещал Олег, чуть не в грудь себя кулаком бил, и не встретил! Теперь она не ведала, как справиться с захлестнувшим отчаянием. Держалась из последних сил, чтоб не разреветься на виду у чужих людей.

На площади, многолюдной в дневное время, стояли две «газели» и дюжина таксомоторов. Метро закрылось полчаса назад. Более прыткие пассажиры быстро заняли свободные такси. Осталась одна желтая машина, к ней подошла Полина.

Увидев в прокуренном салоне двоих парней явно не трезвого вида, она остереглась садиться. Отошла от подозрительной машины и приуныла. Как добираться домой? Тут дороги-то – минут сорок, да куда рыпнешься на ночь глядя! Прошли те времена, когда спокойно можно было разгуливать по ночным улицам, не опасаясь, что из-за сумки могут убить.

Что делать? Ждать Олега? Он едва ли приедет, наверняка уже отметил наступающий день рождения, так упился, бедняга, что дрыхнет без задних ног, не до жены теперь.

Когда Полина отправлялась к больной тетке за полтора километра в тихий районный городок, она оставила мужа в сладком предвкушении близкого личного праздника. День рождения Олега в этот год выпадал на воскресенье, и они твердо договорились отметить дату вместе. Благодушно настроенный Олег пообещал Полине не надираться вдрызг раньше времени и обязательно встретить, когда она вернется от тетки. Еще засветло звонила ему из электрички о задержке, и Олег веселым, не пьяным голосом заверил, что приедут на вокзал вдвоем с приятелем, просил не волноваться. Приехал! Встретил! С приятелем!

Приятеля Олега звали Андрей Карачаров. Полина знала, что он обитал на северах, а в тех неудобных, холодных краях, по её представлениям, мужики хлестали неразведенный спирт кружками. Иначе в суровых арктических условиях не выжить. Так что Олегу было с кем отмечать надвигающийся праздник.

Полина в очередной раз отправила вызов на домашний телефон. Трубку никто не снял. Надеясь на удачу, она еще раз позвонила на мобильник Олега.

«Ну ответь же ты, ответь, Олег! – мысленно просила Полина. – Да сколько же нужно вылакать той проклятой водки, чтоб полностью отключиться?..»

Незванный визитёр осторожно просунул голову в комнату, пошарил сощуренным глазом по квартире. «Ничего себе, погуляли!» – поразился он, увидев сдвинутый с места стол, и собранный гармошкой ковер на полу. Догадался, как сильно штормило мужиков, раз такой бардак соорудили. Он просунулся дальше и тут увидел самих виновников учиненного пьяного беспорядка.

На полу, свернувшись клубком, устало храпел гость Олега. Вообще-то гостей, тем более дорогих, принято укладывать на кровать. Перепившему Олегу было не до соблюдения приличий. Он сам свалился там, где настиг сон, – лежал на тахте, безвольно разбросав во сне пухлые руки. Внутри его пивного, колыхающегося от дыхания брюха что-то громко булькало, урчало и плескалось. Рубашка на Олеге задралась, оголив белое, не знавшее загара тело.

«Разлегся, как баба!» – поморщился мотоциклист, испытывая отвращение к полному хозяину, разлитому как холодец по тахте. Отвел взгляд в сторону.

Неожиданно ожил городской телефон. Резкая трель болью отозвалась в ушах. Ноги мотоциклиста занемели и прилипли к полу. Сердце ёкнуло, затаилось внутри, зажалось в кулачок и почти перестало биться. Волна испуга окатила с головы до пяток, а потом скатилась, как вода, оставив пот на лбу. Однако он быстро совладал со страхом, его растерян-

ность длилась секунд пять, не больше, по истечении которых незванный посетитель сорвался с места. Начал рыскать по комнате – где тот грёбаный телефон? – обнаружил аппарат на полке шкафа. Ага, вот ты где притаился, змеёныш! Рывком выдернул из розетки шнур: больше не оторвет, паразит, от дела!

Немного успокоившись, он вернулся к столу. Здесь позабыто горела настольная лампа под зеленым абажуром. На тарелках валялись огрызки крупно нарезанной копченой колбасы и твердого сыра, раскрошенный хлеб. Посреди отвратительного натюрморта печально взирали друг на друга две порожние водочные бутылки. Всерьез пили мужики, определил визитер, по-взрослому.

Он заметил возле тарелки кухонный нож с длинным блестящим лезвием. Видимо, им и пользовались алкаши, решил мотоциклист, подняв нож со стола. Оглядел, оценивая практичность предмета, затем проверил остроту, проведя по скатерти. После лезвия на материи остался ровный, еле различимый разрез. Отличный ножичек!

А теперь за работу!

...Перед тем, как покинуть чужое жилище, мотоциклист добавил беспорядка в квартире. Он хотел создать впечатление случившейся здесь махаловки между пьяными дружками. Для большей убедительности сдернул на пол скатерть с обедками и порожней тарой, уронил пару стульев, с сер-

ванта смахнул на ковер цветочный горшок. С цветком, правда, вышла небольшая заминка. Так получилось, что вместе с тем цветком, будь он неладен, нечаянно уронил на пол фотографию улыбающейся Полины. Занес было ногу, чтобы растоптать снимок, да отчего-то остановился, не посмел. Как бы он не злился на Полину, она была единственной девушкой на этом свете, которая любила его по-настоящему. Пока он не съехал с катушек. Мотоциклист-убийца снял окровавленную перчатку, чтобы не испачкать снимок Полины. Нагнулся, поднял фотографию и поставил на место.

Уходя, ночной мотоциклист подмигнул спасенной от осквернения хозяйшке, мол, пока, пока, скоро встретимся, Полина.

Полина отыскивала свободное место в зале ожидания, присела отдохнуть. Неужели целую ночь придется сидеть на вокзале? Она посмотрела на часы. Прошел всего час, как сошла с несчастного поезда, а в ногах появилась такая страшная усталость, словно шла от тетки пешком все полторы сотни километров. Ужас какой-то! Все-таки мерзавец Олег, раз так цинично с ней обошелся! И чего теперь стоит его обожание, эти утренние ужимки и собачья преданность в лживых глазах? Он свинья, поросёнок, который никак не может нажраться своей любимой водки, да чтоб ты ею залился совсем!..

Зал ожидания притих. Вокзальная жизнь после полуночи не прекратилась вовсе, однако спешки, толкотни и шума заметно поубавилось. Вялые пассажиры, в основном транзитники, делавшие здесь пересадку, бродили под объективами видеокамер наблюдения, тихонько переговаривались, читали, разгадывали кроссворды, дремали, жевали – это были обычные занятия людей, вырванных из своей среды обитания, вынужденных коротать время в ожидании поезда всяк на свой манер.

Мимо расстроенной Полины дважды продефилировал молодой мент со скворчащей рацией на ремне. Милиционер был худой, прогонистый, как жердина, свободный ворот его форменной рубашки свободно болтался на шее. Тощий парень, как уловила Полина по нечаянному взгляду стража порядка, с азартным любопытством поглядывал на нее, в его желтых зрачках назревал некий вопрос к пассажирке.

Рядом раздался шелест разворачиваемой бумаги и послышалось усердное сопение.

Полина повернула голову, посмотрела на соседку по сиротской скамейке. Пожилая женщина лет пятидесяти, крепкая телом, деревенская, судя по добротной, но давно вышедшей из обихода одежде, видно, сильно проголодалась, намотавшись по городу. Бывшая колхозница достала из бездонной сумки вареную курицу. Развернула бумагу и, положив тушку себе на колени, стала рвать на куски сильными руками. Тут же толстые ее пальцы заблестели от жира. Наткнув-

шись на взгляд Полины, которая была близка к обмороку после увиденного, женщина, однако, истолковала его на свой лад, подумав, что соседка голодна. И совершенно бескорыстно она протянула Полине огромную ножку запеченного домашнего бройлера с раскоряченной белой костью.

«Какая гадость!» – ужаснулась Полина. Она почувствовала, как лицо заливают краски, как трудно стало дышать, быстро вскочила с лавки и кинулась на улицу.

Глотнув свежего воздуха, Полина подошла к каменной колонне и стала к ней спиной. Достала сигарету и попыталась прикурить. Спички шипели, исходили вонючим дымом, но не загорались. Ну, что сегодня за оказия такая, ну, прямо, ничегошеньки не получается! Полина в сердцах швырнула коробку в урну. Хотела уже выбросить сигарету, и тут, как чёртик из табакерки, возник поблизости давешний мент. Следил он, что ли? Полина недоверчиво покосилась на вокзального сержанта. Молодые прыщавые парни всегда вызвали у нее подозрение неутоленной тоской в глазах.

Подошедший сержант сообщил, что курить здесь запрещено. Проследил, как Полина выбросила сигарету в урну. Она ждала, когда он уйдет. Сержант не спешил. Полина поморщилась.

«Только бы не вздумал клеиться, – думала она. – После предложенной куриной ножки с ужасно вывернутой костью, ухаживаний малохольного сержанта мне точно не пережить!»

– Гражданочка, извините, вы ведь уже приехали, не так ли? – нарушил молчание сержант. Он, не стесняясь, разглядывал пассажирку, будто прикидывал, насколько она сговорчива.

– Ну и что? – вдруг ощетинулась Полина, сердито помавав возле лица ладошкой, чтобы отогнать исходящий от сержанта запах. – Да, я вернулась домой, я здесь живу, и меня должен был встретить муж. Но он не смог приехать вовремя. У него сломалась машина.

– Документы покажите! – потребовал сержант, отвечая на ее злость.

– Пожалуйста!

Он тщательно проверил паспорт Полины. Регистрация оказалась в порядке. Действительно, местная, придраться не к чему. Не выказывая разочарования, мент потопал обратно. Была бы поддатая или шибко нагрубила, думал он, можно было затащить в дежурку. А с этой облом получился. Пропала смена.

«Господи, что происходит, зачем этот дешевый фарс? – задала себе вопрос Полина. – Я мучаюсь здесь так, словно никто, кроме Олега, не сможет мне помочь. Но ведь это не так, далеко не так, совсем не так! Я знаю, кому следует звонить. Конечно, Руслану! Если он не занят личной жизнью, примчится, как пионер по зову горна...»

Руслан Назаренко работал ведущим специалистом в стро-

ительной фирме Олега Самохвалова. Был, по сути, правой рукой руководителя. Постоянно в движении, в гуще трудовых свершений. Кроме скитаний по стройплощадкам, где требовалась его инженерная поддержка и командирский бас, Руслан успевал еще и мотаться с документами по начальственным кабинетам городской администрации, чего пуще огня избегал сам Олег. «Спец на все руки от скуки», – так говорил в шутку о себе сам Назаренко.

Когда-то Руслан, Олег и Андрей, приехавший в отпуск и нынче загулявший с именинником, вместе учились в Политехническом, в один год закончили строительный факультет. А вот дальше их дороги разошлись, как нередко случается в жизни. Андрей подался на севера, трудился водителем в нефтяной компании. Олег остался в городе, работал в строительной фирме отца, а когда тот внезапно ушел из жизни, возглавил семейный бизнес. Руслана Самохвалов разыскал и пригласил на фирму сам, не забыл еще, какой он хваткий и проворный. К тому же не дурак, коли писал за Олега курсовые и диплом. Не за спасибо, конечно. И Олег со своей стороны тоже не скупился, платил товарищу за помощь сполна. Олег понимал, как трудно Руслану самостоятельно пробиваться в жизни, не имея в запасе такого покровителя, каким для Самохвалова был отец – почетный гражданин города, заслуженный строитель и т. д. и т. п.

Появляясь в офисе набегами, заходил Руслан и к главному бухгалтеру фирмы. Эту должность исполняла Полина, при-

ставленная мужем к руководству. Изредка Полина и Руслан общались – в офисе, под взглядами любопытных сотрудников. Разговаривали, решали текущие проблемы – и всё. Руслан сразу признал, что Полина не зря ест хлеб, дело знает на зубок, а не просто занимает вакансию по родственной принадлежности.

Однажды, когда Полина корпела в одиночестве над документами, Руслан ворвался к ней без стука и вывалил на стол охапку чудесных свежих цветов. По комнате разлился запах лесных лугов, летних солнечных полян и еще чего-то приятно щемящего, давнего, будто вернулось детство. Полина была поражена.

«С днем рождения, Полина!» – обежав стол, улыбочивый инженер поцеловал ей руку. Он был красив и галантен, как принц.

«Очень мило, – порозовев лицом, сказала она. – Откуда узнал?»

«Олега расколол!» – признался честно, а взгляд у самого был дерзкий, вызывающий, полный обожания. Подошел и поцеловал ее в губы. Полина словно онемела. Надо было его прогнать, у нее ведь муж, а рядом кумушки в бухгалтерии, враз донесут. Только не смогла. Таких, как Руслан, не прогоняют. Полина в тот день угостила Руслана кофе, посидели рядышком, тихонько и хорошо поговорили. Потом он вспомнил о делах, подхватился, и быстренько уваялся, только и видела его – испарился со скоростью того Карлсона,

у которого моторчик за спиной.

Дни шли, и Руслан стал захаживать чаще. Приносил конфеты, цветы. Не отказывалась от ухаживаний, но со страхом ждала санкций от мужа. Как-то, оставшись одна, стала думать о странной ситуации, в которой оказалась. Неужто Олег настолько слеп, что не замечает повышенного интереса Руслана к собственной жене? Не может такого быть, чтобы какой-то доброжелатель из коллег не донес Олегу об участившихся визитах инженера. Конечно, сообщили. Но Олег и словом не обмолвился. Будто все так и должно быть. Сбитая с толку, Полина терялась в догадках, извелась вся, с тревогой ждала какой-нибудь каверзы от Олега, придуманной специально для ее наказания. Хотя наказывать, по большому счету, пока было не за что.

Устав ждать подвоха от Самохвалова, Полина сделала упреждающий ход. Как-то подловила пьяненького мужа на слове и открытым текстом, без тени смущения, заявила, что ее не устраивает положение гражданской жены, что она все обдумала и хочет замуж по-настоящему, со штампом в паспорте, как у всех нормальных людей. Заявила также о желании въехать полноправной хозяйкой в новенький, возводимый за городом коттедж. Самохвалов после ее речей вдруг воспламенился, радостно засуетился, затряс булькающим брюшком, собрался тотчас отвезти любимую в ЗАГС. Жаль, час оказался поздний, там и двери уж на ключку заперты. Но каким же огнем тогда раззадоренный Олег по-

лыхал, какие искры метал из глаз! Это надо было видеть! Столько решительности и напора она больше за ним не замечала. Прямо обвал, лавина эмоций, а уж как пытался на руки поднять и по комнате поносить, да чуть не уронил, так это отдельная песня, полная смеха и радости.

Официальный брак они вскоре оформили, все чин чинарем, и Полина облегченно вздохнула. Жить стало спокойнее. Но вот Руслан... Инженер никуда не исчез, с какой стати, фирма без его деятельного участия просто зачахла бы. Назаренко продолжал таскать подарки, будто не слышал пересудов, ну что тут поделаешь? Перспектив, как сознавала трезво мыслящая Полина, у инженера не было никаких. Почти никаких. Совсем свеженький штамп в паспорте о регистрации брака с Олегом Самохваловым весомо подтверждал данную мысль, однако сердцем чуяла, как уголёк, зароненный в душу деятельным Русланом, медленно тлел, не разгорался ярким пламенем, но и не потухал окончательно. Временами становилось так тяжело, хоть плачь. Но как разорваться на две половинки? Дилемма...

Набралась духу и позвонила. Инженер сразу ответил.

– Здравствуй, Руслан, извини, что беспокою. Это Полина. – Произнесла звенящим от напряжения голосом. – Ты можешь говорить, тебе удобно? Прости, если разбудила, но у меня такой форс-мажор, ужас что творится!..

– Полина? – удивленно уточнил Руслан, и она на расстоя-

нии почувствовала его волнение. – Можешь не извиняться, я пока не ложился. Смотрел футбол по ящику. Слушай, Полина, я что-то не соображу, откуда ты звонишь?

– Представь, пропадаю на вокзале, как последняя бомжиха, – горько усмехнулась она. – Поезд сильно задержали, теперь не знаю, как выбираться отсюда.

– Та-а-ак! – протянул Руслан, проникаясь тягостным состоянием Полины. – Значит, наш Олег уже в загуле? Понятно, кто празднику рад, тот накануне пьян. – Он вздохнул. – Хорошо, что позвонила, молодец. Жди, я уже еду!

Все-таки Руслан отличный парень, надежный, благодарно думала Полина, убирая трубку, сразу откликнулся на зов погибающей женщины. Жутко представить, чтобы делала без него.

Лестничная площадка оставалась по-прежнему пустой и сумрачной, когда он покинул чужую квартиру. Спокойно отодрал пластырь с дверных глазков, сунул в пластиковый пакет, куда раньше были брошены потная маска, ненужные окровавленные перчатки и синие шуршащие чехлы для обуви. Позже избавится от пакета, подальше от этого помеченного места.

«Лихо управился!» – похвалил себя мотоциклист, кинувшись вниз по лестнице. Но в это время где-то на первом этаже с силой бабахнула железная дверь. Раздался радостный собачий лай. Пришлось возвращаться назад и подниматься

на площадку пятого этажа, чтобы появившийся пёс не унюхал чужака и не поднял лай на весь подъезд. Тогда по-тихому точно не уйти.

– Полкаша, зараза, не тащи меня так! Да стой ты, дурень, я ведь упаду!.. – хриплым голосом увещевал собаку владелец, его было отлично слышно наверху. Пес повизгивал от нетерпения, а хозяин все не мог запереть дверь, долго шарахался на площадке. Наконец убралась.

Возникла непредвиденная заминка. Следом уже не сунешься. Наверняка двое неспящих обдeldывают свои гадкие делишки рядом с подъездом. Придется ждать, когда Полкан приведет хозяина обратно в квартиру.

Прогулка закончилась через семь с половиной минут, нарочно по часам засёк время. Эти семь минут показались длиннее целой ночи. Рубашка промокла насквозь, хоть выжимай, и пот до сих пор струился меж лопаток.

Едва захлопнулась с грохотом дверь внизу, как мотоциклист со всех ног бросился вниз по лестнице. Скорее, скорее на улицу, к надежной машине!

Домчался до мотоцикла, запрыгнул в седло. Надернул каску, сжал руками руль. Приемистый движок запустился сразу, бесшумно соединились шестерни в коробке передач...

Послушный воле гонщика, мотоцикл рванулся вперед, выскочил на пустынную Рабочую и помчался вниз по улице на огни неумолкающего порта.

Руслан вбежал в зал ожидания. Отыскал глазами Полину, затихшую на лавке рядом с икающей от сытости тёткой. Полетел, помчался к ней на всех парусах, улыбался при этом во все лицо. Поднял несколько оторопевшую Полину с нагретого места, сгреб лапищей ее дорожную сумку, и они устремились к выходу. От инженера исходила такая уверенность, такую необыкновенной силой веяло от него, что Полина безропотно подчинилась его суворовскому натиску.

На улице давешний сержант опять топтался у колонны, на этот раз отчитывал какую-то долговязую девицу в вязаной шапочке: борьба с курильщиками шла полным ходом.

При виде мента у Полины словно крылышки прорезались, она летела за Русланом не чуя ног, гордая и счастливая, и так обожгла сержанта ненавидящим взглядом, что тот отвернулся в замешательстве.

– Куда поедем? – поинтересовался Руслан, когда машина мягко тронулась с места. – Тебя отвезти домой?

– Ну уж нет! – отрезала решительно Полина. – Хоть в гостиницу, но только не домой! Не хватало мне пьяных оправданий Олега! Видеть его не хочу!

– Тогда поедем ко мне, – просто предложил Руслан. – Особого комфорта не обещаю, но душ сможешь принять. Сегодня как раз дали горячую воду.

– Спасибо, Руслан, о большем и не мечтаю.

Полина прикрыла глаза, чувствуя усталость. День выдался не самый лучший. Да, теперь только душ и спать. Забыть обо

всем. Просто забыть.

Глава вторая

На утренней остановке, продуваемой холодным ветром, Полину подобрал подъехавший автобус. Грустная и притихшая, она села подальше от двери, уставилась в окно. Путь был неблизкий, пока ехала, думала о Руслане. Он вчера был заботлив и ласков с нею, и она, расслабившись после бокала вина, смертельно обиженная на мужа, отдалась Руслану после первого ласкового прикосновения к ней...

Утром воодушевленный удачей Руслан пожелал сам отвезти Полину домой, но она неожиданно воспротивилась. С нею происходило нечто странное, похожее на симптомы начинающейся болезни. Полина испугалась: и вправду, не заболела ли?.. Ведь от угрызений совести обычно температура не прыгает вверх, а у нее обжигающе пылали щеки и легким ознобом сводило лопатки. Нехорошее предчувствие жгло изнутри. «Полина, что с тобой? – озабоченно вопрошал Руслан, не понимая, что могло так резко изменить отношение Полины к нему. – Жалеешь о вчерашнем?»

Она промолчала. Не станешь же объяснять, что не хотела видеть ни Руслана, ни этой комнаты, где вся обстановка напоминала о состоявшейся измене и о том, какая она оказалась дрянь. Прочь, прочь отсюда!

Расставание получилось холодным, оба чувствовали неловкость. Когда Руслан попытался дотянуться до плотно

сомкнутых губ Полины, чтобы поцеловать, она отчужденно отстранилась. Руслан разочарованно убрал руки. Полина сознавала, как жестока с ним, однако возникшая из-за чувства вины преграда в душе мешала ей снова искать близости. Не могла ничего с собой поделаться. Что теперь Руслан о ней подумает? Наверное, обзовет дурочкой, в лучшем случае, или вообще неблагодарной тварью, что было бы более справедливо. В самом деле, думала Полина, нашла у Руслана поддержку в трудную минуту, а утром, выспавшись, молча свалила. Не позволила даже в щечку поцеловать. Ну и пусть, распаяясь, думала она, если Руслан умный, а он наверняка такой, то сам поймет, что бывают минуты, когда человек слаб и уязвим, идет на поводу у обстоятельств, а позже стыдится, да ничего уж не исправишь. К сожалению. Впрочем, сама ведь принимала цветы, силой в руки никто не толкал, и то, что случилось ночью, должно было рано или поздно произойти. Только вот нынешним утром как-то не по себе стало. Полина искала оправдание в том, что вина Олега не меньше, это он бросил её страдать на вокзале!

Полина вышла на своей остановке. Направилась к дому внешне спокойная, будто с покупками возвращалась из магазина. Мысленно она готовилась к предстоящему нелегкому разговору с мужем. Заранее взвинчивала себя, вдалбливала в голову, что Олегу вообще на все наплевать: где его жена, с кем? Ему лишь бы водки нахлебаться, рухнуть на тахту

и хрюкать в свое удовольствие. Вот и нахрюкал, поросенок! Сам, сам виноват в случившейся измене!

Идя к дому, Полина представляла в подробностях то, что должно было произойти с нею дальше: вот она входит в прихожую, ставит на пол сумку с теткинскими гостинцами и нарочно долго снимает туфли. Наконец появляется заспанный Олег, шлепает по полу, как всегда, босиком, над тугой резинкой спортивных штанов колышется выпирающее вперед пузо, обтянутое полосатой тельняшкой. Конечно, муженёк на взводе, тяпнул с утра пораньше, именинник ты наш! Сейчас пребывает в том расслабленно-благодушном состоянии, когда ему хорошо, он добрый и щедрый. Проси о любом одолжении, пообещает исполнить. Потом может и забыть, но сейчас выглядит искренним. Олег лезет обниматься, бормочет что-то бессвязное в свое оправдание и оттого становится жалким. Полина грубо пресекает его поползновения, перебьется, ишь, чего захотел!

На площадке перед своей дверью Полина остановилась, перевела дух. Набравшись, как ей думалось, сил и мудрости, открыла двери своими ключами. Протолкнула вперед, помогая коленкой, громоздкую сумку, нагруженную овощами, следом втиснулась сама в прихожую.

Привычно протянув руку к стене, нашла выключатель и зажгла свет. В тесной прихожей стало светло и уютно. Вдохнула с облегчением: наконец-то она дома. Потом присела на низкий стульчик, сбросила уличную обувь. Нагнув-

шись, искала рукой свои тапочки и еле достала из-под шкафа. Опять Олег утолкал подальше своими ботинками – надоело говорить, что она не обезьяна и руки у нее короткие для лазаний под шкафом. Только что толку Олегу говорить – покивает согласно головой, мол, ладно, учту, а в следующий раз так зафигачит те же тапки, что придется выковыривать их лыжной палкой, за которой еще надо топать на балкон.

Полина остановилась у зеркала и поправила прическу. Подумала: что-то не спешит Олег заглаживать промашку, видать, ему даже оправдываться лень, он в своем репертуаре. Впрочем, время для его надлежащего воспитания безнадежно упущено. Он, пожалуй, еще и за пивом ее отправит. Как бывало не раз, заканючит: спасай, родная, не то ласты заверну! Спасала. Грешна. Сегодня не будет. Она почувствовала, что снова начинает злиться. Нет, нет, только спокойствие и холодная рассудительность! Она не подаст повода для скандала, будет высокомерной и молчаливой.

Полина зашла в комнату, где накануне пили Олег и его северный гость. В ноздри шибануло таким крепким сивушным духом, что Полину передернуло.

«Ну и паразиты! – ужаснулась хозяйка. – Теперь три дня придется проветривать дом! А если опять потянет гарь с торфяников? Форточки не откроешь. Что же тогда, задыхаться в винных парах?.. О Боже, ну за что такое наказание!»

Подойдя к большому окну, она раздернула пошире плотные шторы и открыла форточку. Принюхалась. С улицы

в комнату устремился свежий воздух. Дымом пока не пахло, видно, ветер сменился. Можно дышать.

Оглядела загаженный пол. Закуска на ковре, стулья на боку, настольная лампа разбита. Так, здравствуйте вам, и цветочный горшок пустой! Земля разбросана, цветок только для гербария годен. Они чем вообще занимались тут, алкаши проклятые?.. Ну разве можно оставлять мужиков дома одних, без надзора? Ведь в настоящий свинарник квартиру превратили!

Полина быстренько сбегала на кухню, принесла веник и совок, принялась выгребать грязь. Вычистить, вымыть, навести порядок – вот что стало ее насущной заботой. Занимаясь работой, думая о доме, она и не заметила, как улетучились скверные мысли, рвавшие душу некоторое время назад, все-таки хорошо, когда есть чем заняться.

Она сметала рассыпанную возле шкафа землю от цветка, когда на полу сонно ворохнулся Андрей. Морщась от досады, Полина посмотрела на гостя, начавшего подавать признаки жизни. Карачаров лежал на боку, отвернув лицо к стене, смятая рубаха задралась до подмышек.

«Хоть бы тело прикрыл, что ли, – нахмурилась Полина. – Вот ведь до чего можно упиться! Все нипочем!»

Словно почуяв на себе презрительный взгляд недовольной Полины, гость тяжело засопел, промычал что-то неразборчивое и перевернулся на спину. Не проспавшийся, чужой человек вызывал у нее отвращение. Отвернувшись, за-

нявшись уборкой. Однако в зрительной памяти уже отпечата-
талась некая деталь, мимо которой невозможно было прой-
ти. Преодолевая отвращение она еще раз глянула на гостя.
И тотчас заглодела вся, оцепенело замерла на месте. Она
увидела левый край собранной на груди рубашки, который
был испятнан бурными потёками. Да ведь это кровь! Они дра-
лись без меня! – вызрела страшная догадка и острой брит-
вой полоснула по сердцу: мой хрусталь!.. Мужики в кварти-
ре устроили свалку, махались кулаками, могли и посуду по-
вредить!

С дурным предчувствием Полина метнулась к шкафу
со стеклянными створками, в котором держала любовно со-
бираемый хрусталь. Обнаружила, что створки плотно закры-
ты, посуда цела. Слава Богу, перевела дух, хоть здесь ничего
не побили. Это же ужас какой-то, до чего можно допиться!

Успокоившись, Полина отошла от шкафа и впервые об-
ратила внимание на спящего мужа. Ей показалось, что поза
у Олега какая-то ненормальная. Что с ним? Голова набок,
рука свесилась с тахты. Не сопит, как всегда... О Господи,
да он и не дышит вовсе!..

Боясь предположить самое страшное, мысленно цепляясь
за предположение, что ей могло показаться, Полина на цы-
почках подкралась к Олегу, тронула его отброшенную в сто-
рону руку. Ладонь была холодной. Полина, осмелев, посмот-
рела на Олега и пришла в ужас – на шее чернел разрез, по-
крывшийся корочкой засохшей крови...

Дикий нечеловеческий вопль Полины переполошил весь подъезд.

Услышав о чужой беде, люди сбегаются быстро. На крики Полины тоже прибежали соседи. Приплелись две старушки с запасом валерьянки, прихрамал отставной старшина со второго этажа, служивший когда-то в советской милиции. Поседевший бывший страж порядка отогнал любопытных от двери, чтоб не затоптали возможные следы преступника. Затем вызвал по телефону полицию и скорую. Тем временем сердобольные бабульки прямо на лестнице отпаивали Полину валерьянкой, хлопотали над ней до приезда врачей.

У майора Дупака сегодня намечался выходной. Поэтому позволил себе немного расслабиться. Встал он нынче позже обычного, долго и тщательно брился в ванной. Настроение у майора было мажорное, и как ему не быть, если впереди отпуск, обещавший почти месяц сплошного блаженства. Отпускные дни предстояло провести на берегу теплого, ласкового моря. О чем еще можно мечтать измотанному горьким смогом и постоянной суетой горожанину? Сказка – одно слово.

Дупак елозил лезвием по щекам и поглядывал оценивающе на собственное отражение в зеркале. А что, думал он не без бахвальства перед самим собой, чисто по-мужски смотрюсь вполне сносно. Для человека опасной профессии,

которому сороковник с копейками, выгляжу недурно. Правда, малость раздался вширь, причем, ниже пояса, но в широкой рубаше навывпуск, пожалуй, такой дефект не станет сразу бросаться в глаза. Надо уметь скрывать свои недостатки. Эх, елки-палки, пожалел майор, жаль путевка на двоих с женой! Был бы один, и как бы временно холостой, пожалуй, дал бы маху, вспомнил молодость. Дупак улыбнулся приятным воспоминаниям. Однако у него достало воли, чтоб не уходить в глубину вопроса и оборвать греховные помыслы, задушить их в зародыше. Он был реалистом и отчетливо сознавал, что загулять теперь также невозможно, как, к примеру, стать генералом. Каждый сверчок знай свой шесток. Вот так-то, подытожил Дупак, умчались наши годочки, мигнул красненьким огоньком последний вагон, и поезд ушел, ту-ту! И не остается ничего иного, как стоять насмерть на занятом рубеже. А рубеж этот – законная супруга, измученная климаксом и оздоровительными диетами, единственная женщина, которой не надоело всю жизнь бороться с его недостатками. Это так. Жена настоящая умница, врач высшей категории, она обязательно вылечит его от всех существующих недугов, включая инфекцию отпускных эротических мечтаний. Кто бы сомневался.

Строгая жена-врачиха третий день гуляла в отпуске. Хлопотала по дому. Сегодня она приготовила на завтрак свой фирменный салат и пригласила мужа к столу.

– Опять морковка? – жалобно простонал Дупак, молит-

венно скрестив руки на груди, отгораживаясь от тарелки. – Галочка, я бы котлету сожрал! От этой морковки у меня морда скоро оранжевая станет и зрачки покраснеют, как у кролика!

– Потерпи еще три дня, Дупак, – обнадежила мужа заботливая Галочка, называвшая мужа по фамилии, как на работе.

– А что нас ждет через три дня? – он еще наделся на перемены.

– Потом мы перейдем на яблоки, – успокоила Галочка. – Я нашла в интернете потрясающий рецепт! Уверяю, тебе понравится! А уж как это полезно, и говорить не стоит!..

И жевать бы Дупаку свою морковку, выскрести со дна тарелки до последней крошечки, но тут, как зачастую и прежде бывало, его срочно вызвали на работу. Так что хоть звонок и не добавил радости в семейной жизни, зато спас майора от противного салата, на который он без отвращения уже не мог смотреть. Сразу вскочил, засуетился, побежал, будто на пожар. Ох, как вовремя позвонили коллеги! А отдельное спасибо злодею, натворившему чего-то там, но который, тем не менее, помог смыться из-за стола. Чтоб она пропала та морковка, сгнила в хранилище, совсем не взошла – так надоела.

По дороге на работу Дупак купил у лоточницы целый кулек хорошо поджаренных пирожков с мясом и с аппетитом уминал их, пока топал в управление. Мясо и оружие – вот удел настоящих мужчин, радовался он, уплетая пирожки,

тем более мужчин такой суровой профессии, как оперативник. Видела б Галочка этот праздник живота, она бы на месте умерла от разрыва сердца. По сути, Дупак свел на нет все диетические усилия предыдущих дней. Но он об этом, конечно, не беспокоился.

К дому на Рабочей улице, где случилось убийство, оперативники во главе с майором Дупаком, старшим оперуполномоченным розыска, приехали даже раньше кареты скорой помощи. Майор отправил оперативников опрашивать соседей, искать свидетелей. В квартиру пригласили двоих понятых из пенсионерок. Женщины боязливо потянулись за участковым инспектором – он был единственный из нагрянувших людей, кого старушки знали в лицо. Началась обычная, рутинная работа полиции.

И если бы не пирожки, съеденные по дороге, майору Дупаку было бы непросто справляться с чувством голода, которое постоянно вступает в конфликт с чувством долга, когда в животе пусто.

Вскоре появился доктор Бахтеев, приехавший по вызову, – невысокий, подвижный, с азиатским разрезом глаз. С неизменным своим скарбом, уложенным в большую сумку, доктор со скорой отвел Полину на кухню, дал успокоительное. Лекарство быстро и мягко подействовало, женщина перестала реветь, постепенно унялся и тремор рук.

Уходя, врач отозвал в сторонку Дупака, безошибочно признав в нем главного, и шепнул майору, чтоб тот особо

не давил на женщину. Пояснил, что та близка к истерике, он дал хороший препарат, но все равно нужно время, чтобы прийти в себя после сильного потрясения, пережитого женой убитого. Выдав рекомендации, эскулап с чувством исполненного долга уехал: его ждали другие больные.

Подтянулся следователь, высокий подполковник юстиции Кратов, славившийся в своей среде сварливым характером. Этот служака был в полной форме, несмотря на жару.

Кратова сопровождала Оксана, красивая девушка, недавно возникшая в Следственном комитете. Очевидно, перенимала опыт у подполковника. При виде прелестной следачки Дупак заметно приободрился. Работа пошла веселее.

Кое-как оклемавшись, начав замечать людей вокруг, Полина позвонила Руслану и сообщила о беде. Инженер сначала не поверил и растерянно переспросил, правда ли, что Олег убит? Полина, набравшись сил, еще раз повторила страшные слова о смерти мужа. Он уразумел наконец, что женщине требуется помощь, торопливо извинился, попросил держаться и пообещал тотчас приехать.

Полина, пока ждала Руслана, сидела в одиночестве на кухне и беспрестанно курила. У нее совершенно не было сил, чтобы находиться среди чужих людей, заполнивших квартиру, и видеть мертвого, с перерезанным горлом мужа. Временами, забывшись, она вздрагивала, когда в соседней комнате кто-то особенно сильно громыхал казенными ботинками.

Случилось непоправимое, страшное, о чем она и помыслить не могла. Ну как же так, почему?.. Однако времени назад не отмотаешь, совершенных ошибок задним числом не исправишь, и оттого Полина казнила теперь себя, остро чувствовала собственную вину в смерти Олега. Ей казалось, что могла бы спасти мужа, если б решилась ехать домой с подозрительными парнями. Вместо этого, она пила вино в компании Руслана.

«Я дрянь, последняя дрянь!» – твердила Полина про себя.

Ведь могла бы вообще не ездить к тетке, разве не обошлась бы старая без ее лекарств, не потерпела еще недельку? А Олега могла бы сохранить...

Вспомнилась пятница, когда Полина сошла с поезда на перрон тихого районного городка на окраине области. Здесь в частном домике и обреталась тетка. С тяжелой сумкой, нагруженной под завязку гостинцами, она спустилась с платформы по крутой лестнице в скверик, разбитый у небольшого вокзала.

На скамейке под усохшими акациями она увидела сидящую пожилую женщину, опирающуюся на палку. Рядом с ней вертелся непоседливый мальчонка в спортивном костюмчике и легких сандалетах. Он и секунды не мог усидеть на месте, егоза, бегал, пинал пустую пивную банку. Старуха морщилась, но не одергивала мальчика, терпела.

При виде мальчика ноги сами понесли Полину, сердце за-

трепетало от счастья. Подбежала, бросила сумку на скамейку, опустилась на корточки перед затихшим ребенком и обняла его, понимая, что никого нет дороже на свете.

– Сынулечка, как подрост! – зашептала она, осыпая мальчика торопливыми поцелуями. – Как же мама по тебе соскучилась, милый мой!

– И долго ты мальчика от людей прятать станешь? – ворчливо справилась старуха, стукнув палкой об асфальт. – Не надоело еще?

– Сколько надо, столько и стану! – отрезала Полина. Она села на лавку рядом с теткой, усадила сына на колени. – Сама не дитё, знаю, что делать. Ведь говорили уже об этом, зачем снова начинаешь?

– Как хочешь, Поля, – тягостно вздохнула тетка. – Только учти, я тоже не вечная. Когда-то скovyрнусь, что ж тогда? И Коленьке отец нужен, разве ж малец виноват?

Полина резко вскинулась на тетку.

– А такого отца, тетя Маша, лучше не знать никогда! – выкрикнула резко и отвернулась. Тема была больная, не хотела ее трогать. Дернул черт тетку за язык!

– Да разве ж я о том негодяе сказала, на кого ты подумала, Поль? – заговорила пожилая примирительным тоном. – Ты поговорила бы с нынешним мужем, Олегом, открылась бы ему. Глядишь, и принял бы нашего Коленьку за своего. Малец у нас послушный, умненький растет, он мужу твоему понравится.

– Обязательно поговорю, – успокоившись, пообещала Полина. – Но не сейчас. Скоро достроим дом за городом, переедем, тогда и скажу. – Полине разговор, начатый теткой, не нравился, и она быстро переменяла тему: – Я тебе опять кучу лекарств привезла, какие ты мне в прошлый раз заказывала. Дома посмотришь, там целая коробка. Тебе хоть помогает маленько? А то вожу, вожу, а ты все равно с палкой не расстаешься...

– Это не палка, а мой конь, – пояснила старуха. – А таблетки я пью, куда без них. Иногда вроде полегче от них делается.

Они продолжали тихонько переговариваться, мимо проходили к вокзалу люди, на беседующих женщин никто не обращал внимания.

Да, думала Полина, прикуривая новую сигарету, наверное, тетя Маша смогла бы потерпеть без моих лекарств и сыночек маму подождал бы, мне все-таки не следовало бросать Олега. Тем более накануне его дня рождения, ведь знала же, почти уверена была, что не вытерпит и напьется. А теперь что, Олег убит, и как же мне жить дальше? Только расписались, и дом скоро должен быть готов – и вот все рухнуло! Как, почему, кто так подло вмешался и порушил недавно налаженную жизнь?

– К вам можно, вы позволите? – постучав в отворенную дверь, справился старший опер, заходя на кухню к Полине. –

Моя фамилия Дупак. Я оперативный работник и хотел бы задать вам несколько вопросов. – Он внимательно разглядывал женщину, вспомнив наказ доктора, прикидывал, адекватна ли она. – Кстати, как вы себя чувствуете, мы сможем поговорить? Если вам трудно, я не буду настаивать. Поговорим позже.

– Спрашивайте, – разрешила Полина, подняв глаза на полицейского в штатском. Это был обыкновенный дядька в возрасте, с простоватым крестьянским лицом, тщательно выбритый. Во всяком случае, неприязни к нему она не почувствовала. – Я мало что знаю, но все равно готова помочь.

– Я, пожалуй, присяду, если позволите, – улыбнулся оперативник, подвигая к себе стул и удобно на нем устраиваясь. – Мне сказали, это вы обнаружили труп?

– Правильно сказали, – кивнула Полина. – Я вернулась утром от тетки, отвезла ей лекарства и кое-какие продукты, пришла домой, а тут такое...

– Скажите, а кто тот мужчина, с которым пьянст... выпивал ваш муж? Вы его знаете?

– Конечно. Это Андрей, друг Олега. Они знакомы со студенческих лет, один факультет заканчивали.

– Друг, говорите? – задумался Дупак. – В каком смысле друг?

– А разве существуют разные смыслы? – недоумевая, пожала плечами женщина. – Друг он всегда друг.

– Позвольте не согласиться с вами, – мягко возразил опе-

ративник. – Понятие дружбы несколько девальвировалось с течением времени. И нынче зачастую люди называют себя друзьями лишь потому, что выпивают за одним столом да на рыбалку выбираются раз в год. Согласитесь, подобные отношения и приятельскими-то только с большой натяжкой можно обозначить, а уж дружбой тут и не пахнет. Поверьте моему многолетнему опыту.

– Нет, нет! – горячо заговорила женщина, сообразив, к чему клонит Дупак. – Олег и Андрей очень дорожили своими отношениями. Они вообще как братья были.

«Она очень милая женщина, – отметил про себя Дупак, слушая Полину, – и совсем неплохо держится. Да, неплохо, но какой-то внутренний надлом в ней присутствует. Не скрывает ли чего-то?»

– Андрей каждый год появлялся на дне рождения Олега, – продолжала Полина. – Для них это уже стало традицией. К сожалению, не долгой.

– Понятно, – кивнул Дупак. – Скажите, а вы давно замужем за Самохваловым?

– Три года мы прожили в гражданском браке, – ответила Полина, – а недавно узаконили отношения в ЗАГСе. Это было обоюдное желание.

– Ясно, – кивнул Дупак. – Значит, подозреваемого вы знали достаточно хорошо? – дождавшись кивка Полины, закончил мысль: – Тогда скажите, а ссоры, драки между друзьями не случались раньше? Ну, знаете, выпили, поспорили – ма-

до ли что, не было такого раньше?

– Не припомню. Нет, не было. Олег ведь по сути своей тюлень, для него просто пошевелиться ради чего-то и то стоило больших терзаний, а Андрей вообще всегда уравновешенный. Нет, Андрей не мог убить Олега, полный абсурд. Вы ведь к этому меня подвигаете?

– Мы разберемся, – уклонился от прямого ответа Дупак. Сделав паузу, он уточнил: – А ключи от квартиры только у вас и мужа были?

– Конечно, два комплекта.

Оперативник поднялся со стула.

– Ну вот, Полина, всё и встало на свои места, – отечески улыбнулся опер, чувствуя, что пора закругляться. – Наш эксперт посмотрел замки, с ними все в порядке. Взлома не было. Ваш муж убит кухонным ножом, и нож этот найден. На нем обнаружены отпечатки пальцев, пригодные для идентификации. Кроме того, Полина, на руках и рубашке подозреваемого Карачарова обнаружены следы крови. Не сомневаюсь, что лабораторный анализ подтвердит их соответствие группе крови погибшего... Получается, вашего мужа убил Андрей Карачаров. Больше некому.

– Я не верю своим ушам! – потрясенно произнесла Полина. – Как же так? Они столько лет знали друг друга! Разве такое возможно?.. Нет, нет! – она покачала головой. – А вдруг они кого-то с улицы привели в дом, угостили, а тот напился и устроил поножовщину?.. Может такое случиться?

Дупак с жалостью поглядел на красивую хозяйку.

– В нашей жизни многое возможно, – сказал он. – Поверьте мне, я разного насмотрелся за время службы. Случается, увы, убивают и более близких людей. Недавно один наркоман мать родную пристукнул. Она пенсию спрятала, а ему на дозу не хватало. Достал ящик с инструментом и молотком приложил родительницу и не посмотрел, что она его мать, жизнь ему дала, паршивцу. А хотите знать, как всё было здесь, в вашей квартире? Перепили двое мужиков, поспорили. Повод в подобном состоянии всегда под рукой: не так сел, не то сказал – сотня вариантов. Затем спор плавно перетёк в перепалку, градус конфликта поднялся, завязалась потасовка. Когда башка одурманена выпитым, а выдули приятели немало, судя по пустым бутылкам, аргументация кулака кажется наиболее убедительной. А тут и столовый нож под руку подвернулся. Вот так все и было, как мне думается. Смею вас заверить, я редко ошибаюсь.

– Как это ужасно! – воскликнула Полина, готовая снова разреветься.

Дупак видел, как ей трудно сейчас, и жалость шевельнулась в нем. Надо же, такая ладная, милая женщина, посочувствовал майор, и угодила в передрягу, которой не позавидуешь.

– Вам помощь не нужна? – поднявшись, спросил он. – Может, соседей попросить, чтоб не оставляли вас одну? Все-таки какая-то поддержка.

– Спасибо, я справлюсь.

В это время из комнаты послышался хриплый мужской мат. Голос принадлежал подозреваемому Карачарову, и Дупак, озадачившись, поспешил на шум.

...Приехавшие санитары уложили на носилки труп Самохвалова и вынесли из комнаты. Старушки-понятые, как по команде, достали одинаковые платки и начали вытирать слезы, выступившие на глазах.

Насупившийся, сторбленный Карачаров сидел на стуле под присмотром участкового. Выглядел Андрей неважно, но мало-помалу начал приходить в себя.

Минут десять назад его подняли с пола осязательным пинком в бок. Когда разодрал zenки, увидел над собою рыжего мента, круглая рожа которого была густо усеяна мелкими конопушками. Будто в нее кто-то брызнул жидкой горчицей из полного тюбика. Рёбра до сих пор ныли от удара. Потом Андрея заставили снять окровавленную рубаху, уложили ее в пакет, эксперт в резиновых перчатках снял соскобы с рук, и после этого велели переодеться в другую одежду. В дорожной сумке нашлись запасные вещи, он переоделся, а сумку, чтобы не мешала передвигаться спящим туда-сюда людям, затолкал в угол, за шкаф. Снова приземлился на стул, угрюмо наблюдая за происходящим. Мысли вертелись вокруг одного: что случилось в квартире, пока они с Олегом дрыхли? И оттого, что ответа пока не находилось, боль тискала виски,

но еще невыносимей было осознание, что Олега больше нет. Кто убил, за что? И почему так цинично был выбран день убийства – как раз в день рождения?

Рядом послышались шаги. Андрей поднял голову. Подошел конопатый мент, обратился к участковому:

– Капитан, где его документы? – кивком он показал на Андрея.

Участковый подал рыжему бумажник Карачарова.

Лейтенант сцапал документы, мельком заглянул в паспорт, сверил фотографию и, убедившись, что все в порядке, сунул бумажник в свою кожаную офицерскую сумку.

– Думаю, паспорт этому деятелю лет через восемь потребуется, – ухмыляясь, конопатый покосился на Карачарова и добавил уже лично для задержанного: – Попилишь лес на северных делянках, мозги проветришь, алкаш.

Кровь бросилась в лицо, Карачаров гневно выкрикнул:

– Да вы что, спятили тут все?.. Я никого не убивал! – и крепко заматерился.

– Буйный какой, – заметила Оксана, переглянувшись с Лошкаревым – такую фамилию носил лейтенант-оперативник с рыжими волосами.

– Ничего, посидит в изоляторе, успокоится, – ответил Лошкарев.

После раздавшегося мата в комнате появился Дупак. Он слышал последние слова подозреваемого. Про себя не без удовольствия отметил, что парень, похоже, протрезвел и на-

чал сообщать. А это неплохой знак. Работать с невменяемыми все-таки намного сложнее.

– Послушай, парень, – подошел поближе старший опер, – а ты сам-то что-нибудь помнишь? – Голос Дупака звучал убаюкивающе, почти по-родственному. От него исходила такая сердечность, что Карачаров смешался вдруг, устыдившись матерного тона.

– Смутно очень, – честно признался он.

– Ночная тьма?

– Так и есть.

– Сколько хоть осилили?

– Помню, когда второй литр добивали...

– Из-за чего сцепились-то?

– Да мы вроде не махались...

– Тогда зачем ты нож со стола взял?

– Какой нож?

– Которым ты случайно убил приятеля.

– Да вы психа-то из меня не лепите! Никого я не убивал!

Олег мой друг!

– Ну вот, – вполне миролюбиво развел руками Дупак и оглянулся на коллег, ища поддержки, – ты же ни хрена не помнишь. Возможно, раньше ты и не махался ножом, а теперь вот нечаянно получилось. Бывает. Ты не кипятись и послушай, что я тебе скажу: будь мужиком, если уж сотворил такое, смирись и сотрудничай с нами. Скорее в суд дело пойдет, потом в колонию отправят, а там тоже люди живут.

Карачаров мрачно молчал. Гляди-ка, как подрулил мент, прямо отец родной! Советует смириться. Но с чем? Ведь не мог же убить Олега, не мог! Хрень полная!

Подошел Кратов, он тут был главный, поэтому отдал команду майору:

– Везите задержанного в отдел, – распорядился он, – там допросим под протокол.

– Лошкарев доставит, – ответил Дупак, бросив взгляд на лейтенанта, он и сделал знак рукой, чтоб подчиненный подошел ближе.

– Слышь, Лошкарев, – обратился Дупак к конопатому лейтенанту, – раз уж ты на своей машине приехал, забрось попутно нашего злодея в отдел. Кратов там его допросит.

– Сделаем, товарищ майор.

– И сержанта возьми в попутчики.

– Сам справлюсь.

– Не надо играть в героя. Сказал, сержанта возьми для поддержки, значит, исполняй.

– Так точно! – по-военному отрапортовал Лошкарев. Резко повернувшись к Андрею, лейтенант крикнул: – Клешни протянул, ну! – Он звякнул приготовленными наручниками. – И гляделки на меня не пяль, руки давай! Живее!

Карачаров вздрогнул от команды, резанувшей по ушам, вытаращился на рыжего.

– Совсем опупел, лейтенант? Куда я сбегу, ты что? – возмутился. – Кругом же менты!

Задержанного неожиданно поддержал майор:

– Брось, Лошкарев, никуда парень не денется и без браслетов, – сказал с усмешкой Дупак. – Ты не видишь, с какого он бодуна? Да он не то что бежать, он и с лестницы без посторонней помощи не спустится. – Майор бросил короткий взгляд в сторону помощника. – Ты сам-то, лейтенант, разве никогда так не нажирался? Ну чтоб до потери пульса, а?

– Я вообще не пью! – сердито выпалил помощник.

– Вот и славно, Лошкарев, – проговорил весело майор, – есть над чем поработать. Я обещаю, коллектив не останется в стороне. – Дупак шутил и тому были веские причины: убийство оказалось обычной кухонной разборкой, подозреваемый взят на месте, улики железные. Шустрый помощник рыжего окраса, недавно пришедший в отдел после академии, запросто справится с делами, какие ему поручит следак Крапов. Пускай парнишка привыкает в будням. А вот себя Дупак в ближайшие дни видел уже на пляже. Отдыхающим на Черноморском побережье. Правда, рядом с женой Галочкой, но от этого никуда не денешься, судьба. Но как бы там ни было, глаза жена ему не завяжет, поэтому усталый майор будет любить гуляющих по песку женщин издали, ласкать взглядом. Не запрещено.

Не любивший подначек Лошкарев, пряча обиду, все-таки нацепил наручники на Андрея. Послабление проявилось лишь в том, что сковал запястья спереди, а не за спиной. Лейтенант сделал так лишь для того, чтобы майор не подумал,

будто помощник полностью проигнорировал его мнение. Лошкарев собирался служить под началом Дупака и дальше, поэтому обострение отношений из-за очередного подозреваемого не входило в его планы. Во всяком случае, пока.

– Ну, все, отрывай задницу от стула, пошли! – грубо дернув задержанного за плечо, подал голос лейтенант. – Вперед, вперед, шевели помидорами!.. – Карачаров поднялся, и они двинулись к выходу.

Дупак посмотрел Лошкареву вслед и покачал головой. Не понравилось майору упрямство молодого офицера. Без году неделя в отделе, а уже показывает гонор. Дескать, сам не дурак. Ох, сколько таких выскочек с дипломами о высшем образовании приходило к нему, не сосчитать! И где они теперь? Разбежались в разные структуры, собственно в розыске мало кто зацепился. И этот голубь только поначалу хорохорится, пока романтический зуд не прошел и погоны не обмялись. Через год-другой перебесится, разжует, что к чему, и переметнется, к примеру, в адвокаты. Были примеры.

На улице было жарко, с утра припекало солнце.

Выйдя из подъезда, Карачаров жадно глотал свежий воздух. Не верилось, что в последний раз видит мирную картину обычного городского двора, слышит стук колес проезжающего невдалеке трамвая. Неужели он проведет многие годы за колючей проволокой? И за что? Не мог он убить Олега, ну не мог и всё! Бред полный!

Карачарову не ведомо было, что настоящий убийца, побывавший ночью в квартире Олега и убивший друга, стоял сейчас за спинами любопытных и наблюдал за происходящим сквозь темные очки. Он видел, как пронесли к спецмашине носилки с телом убитого, а потом рыжий лейтенант конвоировал задержанного Карачарова к собственной тачке. Машина была не новая, из третьих рук, вероятно, зато иномарка, настоящий «японец». Сибиряк, одетый в коричневую кожаную курточку выглядел подавленным, проходя мимо толпы, низко опустил голову, спрятав глаза под большим козырьком бейсболки с надписью «FLORIDA»...

Гонцику-убийце не следовало здесь появляться. Ни в каком случае. Он крутился возле этой пятиэтажки уже третий раз, причем, два раза отметился днем. Его вполне мог срисовать какой-нибудь очень бдительный пенсионер и запомнить. Ну, например, такие бросающиеся в глаза в первую очередь детали, как приметная курточка и темные очки – из набора шпионской экипировки. Он отчетливо сознавал, насколько велик риск, но все равно приперся сюда. На результат своей ночной прогулки взглянуть хотя бы одним осторожным глазком. Вот посмотрел, убедился. Стоял за спинами любопытных, скользил тревожным взором по двору. Жалости к убитому он не испытывал, потому что не знал его при жизни, живым. Знакомого, наверное, труд-

нее лишит жизни, все-таки какие-то прежние связи мешают. А тут как в окопе: на той стороне чужие, они пуляют в тебя, а ты в них. Без имен и фамилий. Ничего личного, война.

Провожая взглядом Карачарова, топавшего по двору в наручниках, убийца порадовался – вот виновный найден! Пускай парень посидит. Как ни кидай, а это лучше, чем париться в гробу.

Размышляя о Карачарове, которому подарил жизнь, ночной убийца вдруг ощутил мощный удар под дых: фотография! Вспомнил, что брал рукой снимок Полины, когда ставил на место. Снимал ли перчатку при этом? Полный мрак, будто память отшибло. Такое уже случилось с ним, когда мозги отказывалась помогать. Порой простых действий, сделанных только что, не мог восстановить. В башке полная каша. Так неужели наследил пальчиками на рамке? Вообще-то не должен был, хотя и действовал на автомате. С другой стороны, если найден уже хороший кандидат на роль негодяя, зачем криминалистам нужно досконально обшаривать квартиру и снимать все следы? Тоже вопрос. Он потихоньку отделился от толпы любопытных, завернул за угол дома и неспешным прогулочным шагом направился к остановке автобуса. Начало положено, пора делать очередной шаг.

Андрей и сопровождающий сержант ППС разместились на заднем сидении, Лошкарев сел за руль, положив рядом кожаную сумку с документами.

Поехали.

Лейтенант, судя по вождению, жалел свою тачку. Опытный водитель Карачаров видел, как неуверенно управляет автомобилем Лошкарев. Скорее всего, плохой инструктор попался. Как научил однажды, так и рулил лейтенант по сей день.

Возле кинотеатра, заметив киоск, сержант тронул плечо лейтенанта.

– Что еще? – не оглядываясь, спросил Лошкарев.

– Тормозни, лейтенант, на секунду. Сигареты куплю.

– Раньше не мог куревом запастись?

– Да я мухой слетаю, лейтенант!

– Ладно, давай быстрее.

– По другому не умеем.

Сержант вылез из машины, оправил на себе рубашку и вразвалочку потопал к киоску, прилепившемуся сбоку от касс театра. Лошкарева злила медлительность сержанта, во всем чудилась вопиющая расхлябанность, хотелось закричать сержанту вслед, чтоб поторапливался. Сейчас покурить захотелось, через пять минут в уборную попросится, что за люди – дурдом какой-то!

Карачаров рассеянно смотрел в окно. Вдалеке виднелась спина сержанта, которому приспичило покупать сигареты. Андрей видел, что тот и не думал торопиться. Это надолго, решил Карачаров. Сбоку глянул на Лошкарева. Тот надулся, покраснел от злости. А сержант ППС и вправду ни рыба, ни

мясо. Плохой помощник лейтенанту. Может быть, махнуть от них, зачем мне париться в изоляторе, если я нужнее здесь, на свободе? Случайно мелькнувшая мысль вдруг крепко зацепилась в сознании. Андрея ознобом охватило от осенившего прозрения: в машине их двое, Лошкарев явно выбит из колеи, а что если?.. Решайся! Едва ли такой удобный момент появится еще раз. Низкая кирпичная арка рядом с театром манила к себе. Там смутно маячила свобода. А, была не была! – напутствовал себя Андрей, положившись на то самое «авось», когда шанс на удачу еле различим.

– Слышь, лейтенант, а за нами кто-то увязался, – закинул пробную удочку Карачаров, надеясь отвлечь внимание офицера и получить несколько мгновений форы. – Не знаешь, кто?

– Где? – неожиданно легко купился Лошкарев, не почувяв подвоха. Он повернулся всем корпусом вбок, на какое-то время выпустив задержанного и поля зрения.

Карачаров приподнялся, набросил наручники, как удавку, на шею лейтенанта и надавил на кадык. Лошкарев затрепыхался, попытался освободиться, хватаясь за руки и наручники Андрея. От резких движений железо лишь больше врезалось в горло. Лошкарев захрипел и опустил руки. Карачаров сразу ослабил нажим: душить лейтенанта он не собирался. Хотел сильно напугать. Кажется, получилось.

– Спокойно, рыжий, не дергайся и слушай сюда! Сейчас ты достанешь ключ и снимешь с меня железки. Быстро!

Лейтенант без пререканий выполнил требование, освободил руки Андрея. Карачаров видел, что офицер пока в шоке от случившегося, но скоро опомнится, придет в себя. Следовало поторопиться.

– Прицепляйся к дверной ручке. Живо!

Лошкарев повиновался.

Схватив автомат сержанта, Андрей упер ствол в живот Лошкарева и передернул затвор.

– Документы мои верни! – приказал Андрей. – Да шевелись ты, зараза!..

Жаркие ручьи внезапно выступившего пота побежали по лицу растерявшегося лейтенанта. Он свободной рукой держался за поцарапанное горло, слыша, как дребезжит едва ли не вдавленный внутрь кадык. Он готов был заплакать – от бессилия, от обиды, что так наивно прокололся.

Не дожидаясь, когда Лошкарев придет в себя, Андрей сам достал из его сумки свой бумажник с документами. Затолкал себе в карман, а сумку, гордость лейтенанта, бросил тому обратно на колени. Лошкарев очумело вращал зенками и молчал.

Карачаров с «калашниковым» вылез из машины. Отсоединил рожок и бросил на водительское место, а автомат и ключ от наручников сунул под машину, за колесо.

– Сиди и не вякай, конопатый! – крикнул Лошкареву и помчался к манящей арке. Добежал, нырнул под свод. Промчался метров десять в приятной прохладе и снова высоко-

чил под яркое солнце. Торопливо огляделся.

Двор, куда занесло беглеца, оказался проходной, однако нужный выход был временно завален привезенными для ремонта здания досками. С ходу не перепрыгнешь. Сердце заскулило от ощущения западни. И куда теперь? – стараясь не паниковать, быстро соображал Андрей. Главное, не стоять посреди двора, как памятник, не мозолить глаза. Но куда, в какую сторону кинуться?..

Услышал, как брякнула дверь служебного выхода из кинотеатра. На улицу вышла женщина, остановилась, сощурившись на свету. Достала зеркалаще и поправила прическу.

Карачаров метнулся к двери. Разминулся с удивленной женщиной, потянул на себя ручку. Перед тем, как вбежать в здание, приостановился. Предчувствие близкой погони заставило его оглянуться.

Оп – па! Так и есть!

Из-под арки выскочили запаленные полицейские. Быстро спохватились. Вооруженный автоматом сержант повел стволом в сторону замеченного беглеца. Что-то прокричал, показывая Лошкареву на Карачарова, собравшегося нырнуть в подъезд. Тот и сам уже углядел Андрея, размахивая пистолетом, первый кинулся догонять беглеца. Сержант не отставал от конопатого лейтенанта, жаждавшего реванша за допущенный прокол.

Карачаров хлопнул дверью, жаль не успевал как-то запереть ее изнутри, и кинулся по крутой лестнице наверх.

Он одолел два пролета, когда услышал, как внизу стукнула дверь. Потом грохот ментовских ботинок раздался на лестнице.

Карачаров сделал еще рывок наверх, надеясь найти там выход, но тут лестница неожиданно закончилась. Он оказался в узком, тесном коридорчике. Заметил дверь, сунулся к ней, подергал ручку. Напрасно. Дверь не подалась. Наверное, была заколочена. Всё, тупик. Попался.

Обреченно прислонившись к обшарпанной стене, Андрей задумался. Выходит, зря бегал. Приготовившись к самому худшему, беглец повернул голову направо.

В конце коридора брезжил мутноватый свет. Окно!

В три прыжка оказался рядом с проёмом. Пощупал раму. Не открывается. И вряд ли вообще когда-то это окно открывали. Стёкла со столетним слоем пыли, засиженные мухами. Поднявшись на цыпочки, посмотрел вниз. Сквозь серый налет удалось разглядеть находившийся рядом с капитальной стеной здания вагончик строителей. Крыша бытовки округлая, из жести. Лететь до нее метров шесть – не меньше. Запросто можно не только ноги переломать, но и шею свернуть. Но выбора-то нет!

Настигающий топот полицейских послышался совсем близко.

Карачаров, решившись, вскарабкался на широкий подоконник. Мощным ударом ноги вынес двойные рамы. Уже прыгая вниз, заметил, как блескучими градинами посыпа-

лось раскрошенное на мелкие осколки стекло. Посадка, как при баллистическом спуске у космонавта, получилась довольно жесткая. Приземлился на пятую точку. Копчиком так крепко приложился, что непроизвольно вскрикнул от боли. Зато руки-ноги не переломал. Они сейчас нужнее задницы.

С покато́й крыши бытовки, нагретой на солнце, спустился, держась за приоткрытую дверку. На раздавшийся грохот выглянул сторож. На его носу висели очки, державшиеся на ботиночном шнурке, привязанном к дужкам, а в руках шелестела толстенная газета, еженедельник.

– Ты это... откуда будешь, мужик? – поинтересовался сторож.

– Оттуда, – кивком показал наверх Карачаров.

Проследив за вскинутым взглядом отчаянного прыгуна, сторож увидел всё сразу: разнесенное в прах окно наверху, ствол автомата, направленный на них, две потные красные морды в проеме.

– У – у, ё – моё!.. – простонал сторож, и его словно ветром сдуло.

Карачаров, порадовавшись удачному прыжку, спустился со ступенек вагончика на землю. Снизу окликнул Лошкарева:

– Эй, лейтенант, а не слабо тебе за мной махнуть?.. Ты давай, не трусь, тут всего-то метров шесть, ну, давай, давай! Ну что, духу не хватает?

Сержант передернул затвор автомата, выпустил короткую очередь. Пули ударили в крышу. И тут же перепугавшийся Лошкарев отвел ствол в сторону и заорал на сержанта, чтоб тот с ума не сходил – запросто мог зацепить посторонних. Сержант проворчал что-то вроде того, что это не он упустил беглеца, смотреть надо было лучше.

«А не тебе ли покурить приспичило?..» – упрекнул водителя офицер, и они оба замолчали недовольные друг другом.

Карачаров тем временем бросился на шумную улицу.

Добежав до остановки трамвая, запрыгнул в отходящий вагон. Стоя на задней площадке, перевел дыхание.

«Пока запаренные ребятки спустятся вниз, добегут до улицы и осмотрятся, – прикидывал Андрей, – я буду далеко от центра. Пускай похлопочут».

Проехал четыре остановки, отдышался и совсем успокоился. Кажется, ушел, оторвался. Обиднее всего было то, что гонялись за ним напрасно. Он не убивал. Себя-то уж, слава Богу, изучил и знал, на что способен. Не ангел, конечно, но и не убийца.

Немного было друзей у Андрея, таких, к кому бы хотелось приехать, встретиться и поболтать за бутылочкой ни о чем. Олег был, пожалуй, единственным, с кем после института поддерживал тесную связь Карачаров. Бесхитростный, не из тех, кто «ноль пишем, два в уме», Олег так и остался, в сущности, тем же студентом – немножко ветреным,

не жалеющем времени на пустяки, а главное, на общение с ним, Андреем. Были и другие товарищи, умненькие, при серьезных должностях. Но эти, оказавшиеся при важном деле, поближе к кормушке, солидные, с подобающими окладами и располневшими фигурами, были неинтересны Карачарову. Если и встречал кого-то случайно, то расставался без сожаления и быстро забывал – чужие посторонние люди. Один Олег остался, свойский пацан, без выпендрежа. А ведь мог бы, если хотел, высоко взлететь, потому что отец его был в области на виду, при высокой должности, помог бы сыну и нужными связями обрести и занять теплое местечко поближе к сильным мира сего – Олег того не пожелал. Отчасти, должно быть, в силу все той же инертности, а по большому счету – Олега нравилась простая жизнь. И вот она закончилась – нелепо, жутко.

Трамвай неторопко бежал по рельсам, входили и выходили пассажиры на остановках – обычное дело. На Андрея никто внимания не обращал. А кому он нужен? Ну, едет и едет куда-то по своим делам, у каждого миллион собственных забот, не до того, чтобы к каждому присматриваться и прикидывать, а не сбежал ли этот пассажир, к примеру, из-под конвоя.

«На следующей остановке, пожалуй, можно выйти», – подумал беглец, и просто так, машинально, глянул в окно. И тотчас отшатнулся обратно. Невероятно! В это трудно было поверить, но это случилось: за трамваем тихонько катил-

ся знакомый автомобиль, из которого Карачаров некоторое время назад так удачно сбежал. За рулем сейчас находился один Лошкарев, а сержанта в машине не оказалось. Вероятно, пылил по окрестностям, разыскивая сбежавшего. Но конопатый-то, конопатый, как хорош в деле! До чего настырный оказался мент, и трамвай когда-то сумел вычислить! Гляди-ка, не отстают ведь, его бы рвение – да на поиски настоящего убийцы. Цены бы рыжему не было.

На трамвайном кольце Карачаров выскочил из вагона. В толпе случайных попутчиков устремился по пешеходной дорожке подальше от опасной остановки. Впереди показались ряды торговых палаток, тянувшихся бесконечно долго вдоль всей улицы. Там сновало много народу, легко было затеряться в галдящей, перетекающей с места на место людской толчее. Туда, прибавив шагу, и направился Карачаров.

Машина Лошкарева не отставала. Узрел-таки востроглазый! Не оборачиваясь, Карачаров сунулся было в толпу, но люди отчего-то сторонились его, образуя вокруг беглеца свободное пространство. Неужели и вправду на воре шапка горит, забеспокоился Андрей, а меня за версту видно?.. Боковым зрением снова засек тачку Лошкарева, машина настигала, держась вплотную к бордюру. Карачарову сделалось тоскливо. Да что же это за день-то такой, злился Андрей, и когда этот бег с барьерами закончится?..

По проезжей части оживленной улицы густым потоком

двигался транспорт. Когда Карачаров бросился на противоположную сторону магистрали, Лошкарев, следивший за ним из машины, по крайней мере, дважды посчитал его погибшим. Сначала он видел безумца, мелькнувшего в нескольких сантиметрах от бампера большегрузного «Камаза», и спастись в той ситуации было почти невозможно! Везунчик все же увернулся от колеса. А второй раз вмазался в борт маршрутного такси. Повезло тем, что машина начала притормаживать, и все-таки «Газель» крепко шибанула нарушителя в плечо, настолько сильно, что он отлетел к фонарному столбу. К счастью, успел схватиться за столб руками, чтобы не отлететь на проезжую часть. Это и спасло беглеца.

Лошкарев, выбравшись из автомобиля, метался на мостовой, отделенный от Карачарова сплошным чадным потоком. Что-то кричал, размахивал руками. Потом вспомнил про рацию и снова кинулся в машину, чтобы дать ориентировку на перехват.

Карачаров не стал дожидаться, когда поднятые по тревоге полицейские раскинут широкую сеть, проскочить через которую едва ли станет возможно. Андрей поспешил подальше от места, где повезло уцелеть. Долго петлял по городу, пока не вышел на окраину. На месте огромного пустыря возводился новый дом. Бригада курчавых строителей с подсушенными, словно урюк, лицами вела кладку кирпичных стен. Рядом гремел железными суставами экскаватор, выбиравший

грунт из траншеи.

Подворачивая натруженные ноги на обломках кирпича, Андрей медленно двинулся вдоль забора и вышел к жилой пятиэтажке. На первом этаже располагалась торговая точка. «Кафе-закусочная» – гласила выцветшая вывеска над дверью. Очень кстати. Было бы здорово, позволил себе помечтать Андрей, если в этой забегаловке нашлась бутылка пива. Холодненького, со слезой на отпотевшем стекле. При одной мысли о живительной влаге во рту стало сухо. А что, подогрел себя надеждой Карачаров, попытка – не пытка, а вдруг?..

Оглядевшись еще раз вокруг и не заметив опасности для себя, он опустил бейсболку до бровей, посчитав, что в таком виде его труднее запомнить. Потом одернул на себе кожаную курточку, заглянул на всякий случай в бумажник. Деньги и документы были на месте.

В грязноватой закуской, скорее всего, наспех обедали приезжие строители с южных окраин распавшейся империи. Об этом Карачаров догадался по следам глины со стройки, оставленным на полу заведения, а самих рабочих он уже заметил на объекте.

За кассой скучала ядреная буфетчица, наполненная здоровьем, как бидон молоком, до краёв. За низкой перегородкой хлопотала повариха у электрической плиты, помешивая в бачках какое-то варево. Андрей уставился на спелую касиршу, будто сошедшую с картины Кустодиева. Незнакомая

женщина вдруг одарила раннего посетителя такой изумительной улыбкой, словно один только он и мог составить ее счастье. Андрею сделалось неудобно, не хотелось, чтобы милая буфетчица посчитала его алкашом, но горло драло будто крупной наждачкой, и он попросил пива. Какой уж там стыд, когда сушняк достал.

Буфетчица принесла из холодильника стеклянную бутылку, именно такую, о какой он мечтал – отпотевшую. Сама сдернула пробку и, улыбаясь чуть раскосыми карими глазами, подала вместе со стаканом. Честное слово, Андрей настолько был благодарен буфетчице, что готов был на ней жениться!

Жажду он утолил прямо у прилавка. Уже минуты через три почувствовал, что жизнь помаленьку налаживается. Расплатился с приветливой женщиной и вышел на улицу.

На крыльце Карачаров остановился, услышав шум подъезжающего автомобиля. Повернувшись на звук, увидел кативший по замусоренной дороге джип с тонированными стеклами. Явно не полиция. Хоть этим повезло.

Возле стройки машина тормознула, мотор заглох. Открылась задняя дверца черного автомобиля и на землю, прямо в комья глины, перемешанные со строительным мусором, выпала женщина. Короткая юбчонка на ней бесстыдно задралась, и Карачаров, не успев отвернуться, углядел, что на женщине ничего, кроме юбки, нет. Запоздало отвел взгляд, чтоб не видеть чужого позора. Мелькнула мысль,

а не вернуться ли к симпатичной буфетчице, за пивком подождать, когда джип уедет, и продолжить свой путь. Куда? Неважно, но подальше от этого города, где его будут искать. Мысль о второй бутылке пива показалась своевременной и поглянулась доступной простотой. Однако осуществить намерение не удалось.

Выпавшая из джипа бедняжка вдруг подняла громкий вой. Даже у Карачарова, много чего повидавшего в жизни, и то мороз зацарапал по шкуре. Вопли женщины пронизывали насквозь. Чего он, крепкий, здоровый мужчина, никогда не выносил, так это детских слез и унижения слабого. А выброшенную бродяжку молотили ботинками двое парней. Это было уже слишком. Перебор.

Карачаров, стиснув кулаки, направился к машине.

– Эй, мужики, вы еще не устали? – остановившись в трех шагах от джипа, спросил Андрей. Молотобойцы переглянулись между собой. – Передохните, а то силенок вернуться домой не хватит.

Один из амбалов, яростно сверкнув дикими зрачками, враждебно оглядел внезапно возникшего заступника. Его нахмуренный лик выражал крайнюю степень презрения.

– Вали отсюда! – грубо посоветовал Карачарову и снова пнул женщину. Она громко вскрикнула.

– Эй, хватит уже! – Карачаров шагнул к пинавшему шустрику и с силой дернул его за плечо. – Слов не понимаешь?.. Оставь женщину, отойди!

Избиение прекратилось. Зато целая гамма разнообразных чувств отразилась на физиономии квадратного амбала, когда он, оставив временно бедняжку, повернулся к Андрею. Сперва в его расширенных зрачках, отливающих желтизной, Карачаров различил немой вопрос: «Ты кто? Как посмел тронуть меня?..» Затем бельма садиста затянуло дымкой негодования, и наконец, наружу выплеснулся пламень ярости, способный подавить любое сопротивление.

Андрей понял, что драки не избежать.

Помощник здоровяка выглядел похлипче телом – какой-то недокормленный, что ли, малость недовоспитанный. Этот помощник сразу отодвинулся на второй план, позволив крепышу в одиночку расправиться с невесть откуда появившимся лохом. Хлипкий переминался с ноги на ногу возле тачки, щерился гнилыми зубами и спокойно ждал развязки. Он несколько не волновался за исход, зная силу подельника, на спор крошившего кулаками кирпичи.

Андрей приготовился к нападению.

Агрессивный амбал неожиданно резко качнулся вперед, в его правой руке блеснул нож, направленный Карачарову в живот. Ах, вот ты как! Вовремя разгадав маневр действительно сильного, но не слишком поворотливого противника, Андрей отклонился в сторону. Вооруженная рука прошла справа, полоснув воздух. Моментально развернувшись, Карачаров ногой нанес ответный удар: носком левой ноги попал в кисть здоровяка, сжимавшую холодное оружие. От уда-

ра нож отлетел в траву. Проследив его короткий полет, Андрей мысленно порадовался, что не забыл еще навыков, полученных в полку морской пехоты Краснознаменного Тихоокеанского флота. Все-таки не даром ел воинский хлеб. Вот и пригодилось.

Хлипкий напарник бугая бросился в траву, встал на колени и начал шарить потными ладошками по ней, отыскивая улетевший нож. И пока он елозил штанами в пыли, Карачаров вытянул правую руку вперед, обманывая противника, будто собирается ею нанести сокрушительный удар в голову, увлек внимание амбала вправо. Когда тот сосредоточился на кулаке, Карачаров, собрав все силы, въехал левой в рыло бугая. Постарался вложить в удар всю обиду сегодняшнего дня, и это ему удалось. Влажный пятак садиста оказался настолько твердым, что у Андрея заныли ушибленные казанки. У нападавшего здоровяка из сломанного носа брызнула кровь. Завершая начатое, Карачаров сгреб тупо качающего башкой молотобойца за густую шевелюру и, вложив всю силу, несколько раз смачно приложил мордой о капот джипа. Жалобно зазвенела жесть, слоновьи ноги парня подкосились, и он с глухим стоном, как подпиленное дерево, рухнул возле машины.

Справившись с одним, самым опасным противником, Андрей оглянулся. Хлипкий напарник поверженного громилы медленно приближался к нему, поигрывая на блатной манер зажатым в ладони ножом. Злоба настолько ослепила его, что

он в гневе не заметил вытянутой перед ним ноги. Это избитая женщина, опомнившись, верно просекла ситуацию и хотя бы таким нехитрым способом хотела подсобить своему заступнику. А бодрящийся паренек сейчас больше походил на мультяшного героя, чем на бойца, вышедшего схватиться с достойным противником. Похоже, он ничего не видел перед собой, кроме усмешки Карачарова, бесившей его, как красная тряпка будоражит быка, и с громким рёвом рванул к Андрею. Но не добежал, не успел помахать ножичком, запнулся о выставленную ногу лежащей на земле женщины. Потеряв равновесие, он с разгону, на бегу, врезался бритой макушкой в ребро распахнутой двери автомобиля. Удар получился таким удачным, что Карачарову не пришлось вмешиваться. Слегка качнув джип, хлипкий свалился рядом с амбалом. Затих. Андрей не стал проверять, не симулирует ли он падение, в любом случае не стал бы трогать лежащего. С обоих достаточно того, что получили. За дело.

– Так им и надо! – резко высказала свое отношение к случившемуся женщина, когда Карачаров подошел к ней и протянул руку, помогая подняться. Она встала, отряхнулась от пыли. – Вот сволочи! – сказала с обидой, оглядывая себя. – Из-за них всю юбку изваляла! Места живого не найти! Теперь придется со стиральным порошком замачивать. – Она кивнула Карачарову. – А тебе спасибо, парень!

– Кости целые? – спросил Андрей. – Как ты вообще? Идти сможешь?

– Да нормально всё, – отмахнулась она. – Не парься. Не первый раз.

Договорить не получилось: совсем неподалеку послышался вой полицейской сирены. Из-за строящегося дома, приседая на ухабах, к кафе подъезжал «уазик» с проблесковыми маячками.

– Кажется, пора делать ноги, – сказал Карачаров и посмотрел на спасенную. – Ты знаешь здешние тропки? Выведешь отсюда?

– Да легко! – небрежно бросила незнакомка. – А что, не любишь парней в форме?

– Нет настроения с ними разговаривать.

– Представь, наши желания совпадают! – усмехнулась незнакомка. – Топай за мной, спасатель, и не отставай!

Карачаров не знал, что прекрасная буфетчица, заметив в окно драку, вызвала по телефону полицию. Наряд случайно оказался вблизи от места происшествия. Потому и приехали так быстро. А Карачарову, в свою очередь, теперь за каждым кустом мерещился неугомонный Лошкарев, и он рассудил, что дотошный лейтенант каким-то образом опять его вычислил и послал волкодавов по его грешную душу. Поэтому когда спасенная им женщина полезла в густые заросли кустов и репейника, не роптал. Пробирался следом за ней, не обращая внимания на ветки, больно хлеставшие по лицу, на репей, который намертво цеплялся за одежду, пускай, лишь бы уйти подальше от погони. Через какое-то

время проводница, очевидно, ходившая тут когда-то, вывела Андрея на торную тропку. Идти стало полегче.

Глава третья

Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Еще недавно Андрей ни сном ни духом не ведал о существовании этой женщины, за которую вступился, и вот они уже вместе, у них одна цель – уйти от погони. Конечно, не родство душ, для этого надо пуд соли вместе слопать, но что-то их безусловно объединяло.

Женщина, уверенно уводившая Андрея от полицейской сирены, поубавила обнаруженную прыть, пошла сбоку. Она пытливо разглядывала нечаянно свалившегося на ее бедную голову спасателя. Именно так – спасателя. Ей нравилось это слово. В стране появилась хорошая организация, призванная всем помогать, может быть, единственная из всех, возникшая на обломках страны, которая вызывает уважение благодарных сограждан. По вызову примчатся, быстренько потушат, если горит, кошку с дерева достанут, если сама не может спуститься, из-под бетонных плит извлекут, когда какой-нибудь пьяный ротозей газ на кухне взорвет. Спасатели придут и помогут. Вот и этот парень, крепкий, широкий в плечах тоже из настоящих мужиков оказался, думала женщина, сразу заметно, что появился на белом свете не веселиться, но созидать. И заступаться за слабых. Сейчас он, правда, немного помят, видать, тоже в передрагу угодил, но это временная полоса, они у каждого случаются. Надо думать, все

наладится и у него.

Андрей, в свою очередь, на лету перехватил искромётный взгляд её карих глаз в темных густых ресницах. Удивившись, отметил случившуюся в женщине быструю перемену к лучшему. Она уже не казалась той униженной и вывалянной в грязи бродяжкой, какую он увидел ее менее часа назад. За то время, пока они пробирались к ее жилищу, женщина обрела уверенность, видимо, присущую ей изначально. Кстати, она не забывала кокетничать, несмотря на то, что синяк под глазом принял фиолетовый оттенок, а сама она до сих пор была без трусов. Ханжой Андрей себя никогда не считал, он принимал попутчицу такую, какой она была на самом деле. Она обещала ему временный приют, и уже за это следовало быть благодарным ей и не обращать внимания на такие пустяковые вещи, как внешний вид или отсутствующие детали одежды.

– Эй, парень, ты познакомиться не хочешь? – спросила попутчица.

– А надо?

Она засмеялась.

– Меня зовут Валерия, – представилась. – А можно короче – Лера. Я так привыкла.

– Тогда я Андрей.

– Чем занимаешься по жизни, Андрей?

– Водила на буровой в Сибири.

– Всё недра ковыряете? – усмехнулась.

– Надо кому-то и этим заниматься.

– С тобой не поспоришь, – согласилась Лера. – Ты, женат?

– Сейчас свободен.

– Как все мужики, переступившие порог дома? – Произнесла это тоном знатока, которому бесполезно возражать. – А детки у тебя есть?

Нехитрый вроде вопрос загнал Карачарова в тупик. Есть ли у него дети? Пока не было, не сподобился, но вскоре спокойное бездетное состояние могло измениться...

Началось всё с консервной банки. То была обычная тушеная говядина.

Карачаров пришел перекусить в рабочую столовку и там увидел, как молодая повариха, все ее запросто звали Ритулей, собиралась приступить к вскрытию продукта. Кухня как на ладони, и Карачарову хорошо было видно, что девушке трудно справиться с банками. Без всякой задней мысли предложил помощь в трудоемком процессе. Повариха, полгода назад возникшая в северном поселке, по рассказам, прилетела из Полтавы. Девушка она была шустрая на ногу, тоненькая в талии, весьма приглядная на личико. Ну, Ритуля, что скажешь! Окинув Карачарова изучающим взором, миловидная хохлушка позволила Андрею пройти к разделочному столу и вскрыть десяток банок с тушенкой. Он с блеском справился с поручением. Полтавская красotka, как видно, прониклась доверием и благодарностью к мужчине с довольно недурной внешностью, шепнула аккурат-

ным ротиком жеманное «спасибо». Андрей заметил, как две крепенькие репки ее налитых молодой силою грудей как бы повернулись, наострились подрагивающими сосками в его сторону. Карачаров мог поклясться в ту минуту, что кругленькие сосочки, четко обозначенные под поварским халатом, выражали ясное желание, чтоб он их потискал своею мозолистой шоферской ладонью... В тот момент, однако же, не посмел: народишку уже порядочно набилось в помещение, а голодные мужики-северяне могли не понять задержки с выдачей горячей похлёбки...

А ровно через неделю с Андреем случился натуральный конфуз.

Гуляли у знакомого, обмывали первенца. Святое дело, считал Карачаров. И вот за столом он почему-то оказался рядом с Ритой. То ли так посадили нарочно, то ли случайно вышло – поди разбери теперь. Они пили, закусывали, разговаривали, даже потоптались на полу минут двадцать, изображая танец. Ночь Карачаров провел в постели поварихи и утром поднял тяжелую голову с ее уютной груди. А еще через месяц, встретив Андрея на улице, будто невзначай, Рита призналась, что залетела по полной программе. Короче, мама не горюй. Теребя пуговицу на рабочей спецовке Карачарова, она допытывалась, как же ей поступить дальше: рожать от него наследника или готовиться к аборту? Туго соображая в тот ответственный момент, Карачаров растерянно пялился на повариху. Тогда и накатило смятение на Андрея,

а что было-то в той постели? Грешным делом, он вообще ничего не помнил. И как же тогда они ребёнчика-то лепили?.. Между тем, Андрей знал от парней, прошедших стажировку в Ритулиной кровати, что симпатичная хохлушка ни одного холостого парнягу не пропустила – так рвалась замуж. Беда же была в том, что протрезвевшие парни после ночёвки не торопились жениться. Выходит, Рита банально подловила Андрея, посадила на крепкий крючок, чтоб не сорвался, да только он не мог поверить в то, что беременна Рита именно от него. Уезжая в отпуск на материк, Карачаров зашел в столовку, чтоб оставить поварихе деньги. Она расплакалась. «Ты, Рита, не рыдай, – попросил повариху Карачаров. – Про аборт не заикайся даже, забудь это гнилое дело. Смело рожай. Неважно, кто настоящий отец, поставим мальчика на крыло. Мужиков в посёлке полно, мы ж тебе не чужие...»

– Детей пока у меня нет, – честно ответил Карачаров на вопрос спутницы. – Но в будущем могут появиться – дело житейское. – Он помолчал, собираясь с мыслями, затем спросил: – А ты как на стройке оказалась?

– Клиенты привезли! – рассмеялась Лера. – Дело сделали, а платить не стали. Знают, сволочи, что без сутенера, то есть без крыши работаю, вот и использовали. Назвала их теми словами, каких они стоят, видать, правда не понравилась. Отмутузили и вывезли на стройку... Спасибо тебе, сибиряк, если б не вмешался, могли убить. Или, что еще хуже, вообще

искалечить.

– Нелегкий у вас хлеб, – признал Андрей, удивившись, что не испытывает к женщине отвращения, хотя всегда сторонился проституток, избегал их, как инфекционных больных. Лера оказалась первой, кому он подал руку, поднимая с земли, и не боялся, что подцепит какую-нибудь заразу.

– Ещё бы! – поддержала Лера. – Думаешь, простое дело каждому мужику угодить? Как бы не так! Поначалу, когда только влезла в это болото, вообще хотела петлю на себя надеть. Дважды пыталась повеситься, да не получилось. Жидковата я для таких поступков, размазня. А позже как-то обтерпелась, свыклась. Вроде так и надо. По течению плыть легко и просто, вёсла не нужны, руль тоже. – Лера надолго умолкла.

Они снова шли проходными дворами, малолюдными переулками окраины, где неистовым лаем надрывались злые собаки, рвавшие цепи на усадьбах частного сектора. Лера шагала впереди, а Карачаров старался не отставать, глядя ей в спину.

Оставив позади жилые корпуса многоэтажек и частные застройки, они вышли на обширный пустырь. Неухоженная земля здесь сплошь заросла сорняками, среди которых преобладали полынь и цеплючий репейник. На просторе ощущался заметный ветерок, опять потянуло горечью с тлеющих торфяников.

Карачаров настиг Леру, они остановились передохнуть.

– Далеко еще топать? – спросил у проводницы.

– Мы почти пришли, – успокоила она, показав рукой на протянувшийся вдоль оврага забор, за которым громоздились бесконечные кресты и пирамидки городского кладбища. В глубине раскинувшегося по склону пристанища мертвых виднелась деревянная часовенка, над которой кружила стая голубей. – Я живу во-о-он в том доме. – Лера подняла руку повыше и показала на двухэтажное бревенчатое строение, расположенное метрах в пятидесяти от ворот кладбища. – Здесь поначалу непривычно, а когда осмотришься, очень даже уютное и тихое местечко. Скоро сам оценишь.

«Да уж, тише не бывает!» – промелькнуло в голове Карачарова. Он опустил глаза, чтобы не мучиться и не чувствовать себя заплутавшим путником, чей компас показывает неверное направление. В конце концов, не так уж и долго придется обзирать унылый пейзаж с крестами! Всё когда-то кончается. Будет, стало быть, конец и его плутаниям. Вот найдет настоящего убийцу, поквитается с ним, тогда и домой можно будет отправляться, на север. А пока придется потерпеть. Живет же здесь Лера, стало быть, и он сможет.

Обветшалый дом вблизи производил довольно гнетущее впечатление. Здесь вполне подошло бы обретаться бомжам, для которых и помойка – дом родной. Но как можно существовать тут нормальному человеку, когда обрезано электричество, отключена вода и окна повыхлестаны повсюду, кроме одной квартиры на втором этаже, где, вероятно, и мыка-

лась Лера? Непонятно. Андрею, привыкшему жить в суровых условиях севера, в тесноте и угаре балков, пропитанных запахом горелых портянок и крепкого мужского пота, и то стало не по себе. Все-таки Лера была героическая женщина, никогда и не подумал бы, что встретит такую среди проституток.

Лера, заметив замешательство потенциального постояльца при виде убогого угла, которое и домом-то язык не поворачивался назвать, осторожно тронула его за рукав:

– Неуютно тебе? – она вздохнула. – Зато здесь точно не найдут.

– Хоть какой-то бонус. – кивнул Карачаров.

– А что ты натворил, Андрей?

– Ничего, – ответил неохотно. – Но менты считают, что зарезал своего друга.

– Мокруха?.. – изумилась Лера, и Карачарову показалось, что посмотрела на него с уважением. – А ты точно его не трогал? Мне можешь сказать, я стучать не стану.

Нелепый вопрос больно стегнул Андрея, точно хлыстом по голому телу.

– И ты мне не веришь! – неожиданно вспылал он. – Вы что, сговорились все? Да как я мог друга зарезать, если мы пили вместе, и я раньше Олега вырубился и мешком свалился на пол?! Вы вообще за кого меня принимаете?.. – он нахмурился и отвернулся от спутницы.

– Да ладно тебе, не заводись, – примирительно сказала

Лера, тронув его за руку. – Я тебе не враг. Мало ли что в жизни случается. Короче, отсидишься у меня, пока гроза не утихнет, а когда и все прояснится, решишь, что делать. – Она на секунду прижалась к плечу Андрея и снова отстранилась. – Ты знаешь, а я рада, что мы встретились, и готова для тебя на все. – Лера подняла на Карачарова совершенно безвинные глаза и вдруг спросила: – Не сердись? Слушай, у тебя какая-нибудь мелочишка найдется? – она уточнила сумму: – Ну, хотя бы сотка?

Смутно догадываясь, куда клонит Лера, Карачаров затолкал руки поглубже в карманы куртки, будто искал там что-то. Делал вид, что нащупывает деньги, на самом деле тянул время. Ситуация была глупейшая. Он раздумывал над словами Леры. Она, получалось, хотела на нем заработать, воспользовавшись удобным моментом. Только Андрею сейчас было не до того.

– Наверное, что-то наскребу, – ответил неопределенно, не вытаскивая рук из карманов. Он не знал, как избавиться от возникшего чувства неловкости, и тут предприимчивая женщина сама пришла на помощь. По-своему истолковав угловатые телодвижения Андрея, Лера вдруг улыбнулась ему, обнаружив ровные, сахарной белизны зубы.

– Да ладно тебе, не бери в голову! – сказала ободряюще. – Вижу, что не олигарх. – Она помолчала, потом улыбнулась. – Послушай, Андрей, ты спас меня, это дорогого стоит, честное слово! Короче, я сделаю тебе скидку! – пообещала она.

– Какую скидку, Лера? – Карачаров лукавил, выигрывая время, необходимое на то, чтобы выпутаться из расставленных женщиной сетей. Меньше всего ему хотелось того, к чему подвигала его эта маленькая, спасенная им женщина. – Ты о чем?

– Ты можешь делать со мной все, что захочешь, я разрешаю! – неожиданно выпалила спутница. – О цене, так и быть, сговоримся. Ты на синяк не смотри, я ведь не всегда такая была. – Лера подняла глаза на Карачарова, будто хотела доказать искренность своих слов. Но он и так ей верил. – Думаю, ты не пожалеешь ста рублей.

– Тебе так нужны деньги? – задал он риторический вопрос.

Женщина пожала плечами, дескать, а кому они не нужны? Затем, приняв Карачарова то ли за скупца, то ли за непроходимого болвана, она прояснила ситуацию:

– Понимаешь, Андрей, я совсем на мели. Пригласила тебя в дом, а угостить нечем. С такой физиономией, – подняв руку, осторожно дотронулась до испорченного синяком лица, – целую неделю на работе не покажешься. Короче, рухнул бизнес.

Сочувственно глядя на Леру, Карачаров проговорил, стараясь быть убедительным:

– Обещаю, с голоду мы не помрем. А о профессии своей пока забудь. Другие у меня заботы.

– Как хочешь, – пожала Лера плечами.

– Ну так что, приютишь беглеца?

– Конечно, пошли в дом, – пригласила женщина.

Распахнутая настежь кособокая дверь впустила их в мрачный затхлый коридор, заскрипели под ногами деревянные ступеньки узкой лестницы. Лера стала подниматься первой на второй этаж, а Карачаров осторожно двигался за ней.

Тайник для ключа находился в подходящем для него месте – в рваном резиновом сапоге за картонной коробкой в углу грязного коридора. Где же ему еще быть в этой-то разрухе! Нагнувшись, Лера достала ключ и отперла не без усилий старый, амбарный замок. Отворила дверь и шагнула через порог первой. Карачаров нырнул за ней, как в погреб. Запнулся в темноте, не то о скамейку какую-то, не то табуретку, и на всякий случай остановился на месте, чтоб не грохнуться и рук-ног не переломать.

Лера где-то рядом прыснула со смеху. Ее шаги гулко простучали по полу. Нашарив ручку, она толкнула дверь. В темную прихожую, заваленную разным хламом, устремился робкий свет из комнаты. Карачаров наконец немного осмотрелся в этом бедламе.

– Наша дача идет под снос, – пояснила причину неудобств хозяйка, – так что и свет, и воду отключили еще весной, когда отсюда съехали три последние семьи. Ты проходи, осваивайся. Если захочешь по нужде, уборная на улице, за домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.